

ДМИТРИЙ
ВЕДЕНЕЕВ

АТЕИСТЫ В МУНДЫРАХ

СОВЕТСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ
И РЕЛИГИОЗНАЯ СФЕРА
УКРАИНЫ

ИЗ
РАСЕКРЕЧЕННЫХ
АРХИВОВ
КТБ

Дмитрий Веденеев

**Атеисты в мундирах.
Советские спецслужбы и
религиозная сфера Украины**

«Алисторус»

2016

УДК 323(470+571)

ББК 66.3(2)

Веденеев Д. В.

Атеисты в мундирах. Советские спецслужбы и религиозная сфера Украины / Д. В. Веденеев — «Алисторус», 2016

ISBN 978-5-906880-40-6

В книгу вошли научно-документальные исследования, подготовленные на основе документов Государственного архива Службы безопасности Украины и других архивохранилищ, повествующие об операциях советских спецслужб в религиозной сфере Украины в 1920–1960-х годах. Документы органов ОГПУ-НКВД-КГБ, ставших основным орудием политики государственного атеизма и преследований за веру, содержат уникальные сведения о состоянии конфессиональной среды Украины, одновременно раскрывая циничный механизм агентурно-оперативной работы и репрессий против православия и других религиозных течений. Отдельный раздел книги повествует о трагических судьбах выдающихся деятелей Православной церкви, ставших жертвами богоборчества и беззакония. В год 70-летия Львовского церковного собора и ликвидации Украинской греко-католической церкви автор подробно освещает роль спецслужб в этих драматических процессах. Большая часть документальных материалов предлагается вниманию читателей впервые.

УДК 323(470+571)

ББК 66.3(2)

ISBN 978-5-906880-40-6

© Веденеев Д. В., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

От автора	6
Часть первая	11
«Мне есть что вспомнить...»	11
Полвека на тайном поприще	18
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дмитрий Валерьевич Веденеев
Атеисты в мундирах: Советские
спецслужбы и религиозная сфера Украины

© Веденеев Д. В., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

От автора

Органы государственной безопасности на протяжении практически всего периода советской истории играли особую, активную и нередко зловещую роль в церковно-государственных отношениях. В определенные периоды именно профильные контрразведывательные подразделения ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – КГБ (Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР, 1922–1934; Народный комиссариат внутренних дел; Народный комиссариат государственной безопасности; Министерство государственной безопасности; Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР) выступали ведущим инструментом либо подавления религиозной жизни, незаконных репрессий по отношению к «служителям культа» и верующим различных конфессий, либо жесткого контроля со стороны государства и активного вмешательства в жизнедеятельность религиозной сферы советского общества.

Существование мощной государственной машины по преследованию религии и насаждению безверия (от сети кафедр «научного атеизма» и до специализированных подразделений одной из самых сильных в мире спецслужб) удивляла даже убежденных марксистов и верных союзников СССР. В этой связи показательно свидетельство одного из руководителей внешней разведки КГБ Николая Леонова¹, который тесно общался с лидером революционной Кубы Фиделем Кастро: «У Фиделя Кастро, воспитанника католических колледжей... спросил: как у тебя увязывается и то, и другое? Он говорит: знаешь, одна только партия, КПСС, в своих уставах писала, что член партии обязан быть научным атеистом, никто больше такого в уставах не писал – ни французы, ни итальянцы, ни кубинцы. Они говорят: наоборот, Иисус Христос в свое время был проповедником очень многих морально-нравственных ценностей, которые потом унаследовала партия». В современных же условиях, подчеркнул ветеран тайного фронта, общество «объединяет только одно – наша вера православная»².

Органы госбезопасности долгое время выступали ведущим инструментом политики государства в религиозной сфере, их служебные приоритеты и тактика оперативной работы решающим образом определялись директивными установками Коммунистической партии и правительства СССР. Именно органы ВЧК – ОГПУ – НКВД стали непосредственными и ведущими исполнителями жутких физических репрессий 1920–1930-х гг., унесших лишь в Православной церкви жизни свыше 150 архиереев и десятков тысяч священнослужителей, не поддающегося учету количества истинно верующих мирян. Печальную известность получили инспирированные «чекистами-религиоведами» расколы в православии (обновленческий, автокефальный, «лубенский» и др.), причем сами организаторы и активисты раскольнических движений вскоре пополнили мартиролог жертв незаконных репрессий, лишились свободы или бежали за рубеж.

В дальнейшем органы госбезопасности также выполняли богоборческие функции, держали религиозную сферу под неусыпным агентурно-оперативным контролем, вмешивались в нее, грубо нарушая положения о свободе совести, закрепленные в конституционно-правовых актах самого же Союза ССР.

¹ *Леонов Николай Сергеевич* (род. 1928). Генерал-лейтенант в отставке. Доктор исторических наук, профессор. В разведывательной службе КГБ с 1958 г., работал личным переводчиком Фиделя Кастро во время его визита в СССР, состоял в дружеских отношениях с лидерами Кубинской революции. Начальник аналитического управления Первого главного управления (ПГУ, внешняя разведка) КГБ СССР (с 1973), с 1983 г. – заместитель начальника ПГУ КГБ СССР, начальник Аналитического управления КГБ СССР (1991). Ученый-латиноамериканист, автор ряда книг. Православный христианин, о его воцерковлении писал духовник разведчика, епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов). См.: Архимандрит Тихон (Шевкунов). Несвятые святые и другие рассказы. М.; Симферополь, 2012. С. 284.

² *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в современном мире. М.: Алгоритм, 2009. С. 39.

Территория Украины и ее конфессиональное поле требовали особого внимания спецслужб в силу ряда исторических обстоятельств:

- наличия большой православной общины – наследницы крещальной купели Руси, понесшей страшный урон от репрессий и преследований;
- масштабного религиозно-оппозиционного движения (катакомбников по типу «Истинно-Православной церкви» или «подгорновцев»);
- тесного переплетения социально-политического и национально-идеологического протеста с лозунгами защиты веры и свободы совести;
- присутствия значительной католической общины (питательной среды для «агентуры Ватикана» в понимании чекистов);
- острых коллизий вокруг ликвидации Греко-католической (униатской) церкви в 1946–1949 гг. (операциями НКГБ – МГБ, неразрывно связанными с подавлением движения ОУН И УПА, форсированной советизацией Западной Украины);
- распространения в годы «холодной войны» течений, находившихся под контролем противников СССР (прежде всего общины «Свидетелей Иеговы», базировавшейся в Украине);
- приоритетности для спецслужб нацистской Германии, а затем и держав – противников СССР по «холодной войне», конъюнктурного использования религиозной сферы Украины.

Отметим, однако, что деятельность спецслужб по отношению к Церкви в 1943–1953 гг. все же имела определенную конструктивную специфику, обусловленную особенностями курса политического руководства СССР на заметную либерализацию по отношению к Православной церкви и некоторым другим конфессиям, признание ее духовно-патриотических заслуг, конъюнктурным использованием Церкви для достижения задач государственной политики, включая и международные отношения. Как это не покажется парадоксальным, но нередко позиция профильных подразделений спецслужбы по отношению к религиозным общинам была заметно более взвешенной и прагматичной, нежели у партийных органов, занимавших жестоко-догматическую идейно и «кровожадную» в уголовном отношении позицию.

К тому же нельзя не признать, что определенные острые мероприятия отечественных спецслужб были закономерно обусловлены необходимостью противодействия разведывательно-подрывной деятельности гитлеровской разведки, беззастенчиво использовавшей религиозную сферу, а также цинично превратившей вероисповедальное измерение в поле информационно-психологического противоборства в период «холодной войны» и межблокового противостояния 1946–1991 гг. (где инициатива, как правило, принадлежала геополитическим противникам Советского Союза, мастерски овладевшим инструментарием направленного воздействия на сознание социальных групп).

На сегодняшний день наряду с масштабной работой, проведенной исследователями по изучению репрессивной политики советской власти и правящей коммунистической партии по отношению к религии в Украине и роли в ней спецслужб³, одним из наиболее малоизученных

³ См.: Політичні репресії в Україні (1917–1980 рр.). Бібліографічний покажч. / авт. вступ. статей: С. Білокінь, Р. Подкур, О. Рубльов. Житомир, 2007; *Андріхів І.О.* Політика радянської влади у сфері релігії та конфесійне життя на Прикарпатті в 40–80-х роках ХХ століття. Івано-Франківськ, 2006; *Бабенко Л.Л.* Радянські органи державної безпеки в системі взаємовідносин держави і православної церкви в Україні (1918 – середина 1950-х рр.). Полтава, 2014; *Бажан О.* Випробування вірою: Боротьба за реалізацію прав і свобод віруючих в Україні в другій половині 1950-х – 1980-ті рр. К., 2000; *Боцюрків Б.* Українська Греко-католицька Церква і Радянська держава (1930–1950). Львів, 2005; *Войшалович В.А.* Партійно-державна політика щодо релігії та релігійних інституцій в Україні 1940–1960-х років. К., 2005; *Волошин Ю.В.* Українська православна церква в роки нацистської окупації (1941–1944 рр.). Полтава, 1997; *Грідіна І.М.* Православна церква в Україні під час Другої світової війни 1939–1945рр.: людський вимір: дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Донецький національний ун-т, 2001; Ліквідація УГКЦ (1939–1946). Документи радянських органів державної безпеки: в 2 т. К., 2006; *Лисенко О.Є.* Церковне життя в Україні 1943–1946. К.: Ін-т історії України НАН України, 1999; *Мицик Ю. А., Бажан О.Г., Власов В.С.* Антирелігійна кампанія 1950–1960-х рр. К., 2008; *Михайлуца М.І.* Православна церква на Півдні України в роки Другої світової війни (1939–1945). Одеса, 2008; *Пащенко В.О., Киридон А.М.* Більшовицька держава і православна церква в Україні. 1917–1930-ті роки. Полтава, 2004; *Пащенко В.О.* Православна церква в тоталітарній державі. Україна 1940 – початку 1990-х років. Полтава, 2005;

аспектов истории церковно-государственных отношений советской эпохи является, на наш взгляд, собственно оперативная (контрразведывательная, оперативно-розыскная, информационно-аналитическая) деятельность органов госбезопасности в конфессиональной среде.

Думается, что углубленное изучение (на основе документов самих спецслужб) упомянутых аспектов прошлого церковно-государственных отношений открывает дополнительные возможности для лучшего научного понимания инструментария богоборческой политики властей и особенностей вынужденного реагирования на нее религиозных общин, механизма обеспечения реализации государственных актов в религиозной сфере, исследования репрессивной политики сталинизма как таковой, дальнейшего изучения истории Церкви, религиозной персоналистики, а также истории отечественных спецслужб.

В этом отношении перспективными направлениями исследования деятельности советских спецслужб в религиозной сфере представляются:

- исследование концептуального и нормативно-распорядительного механизма воплощения партийно-государственных актов в области религиозной политики в оперативно-служебную деятельность органов госбезопасности в целом и на уровне союзной республики;
- изучение детерминационного влияния международного положения и внешней политики СССР, внутренней политики «государственного атеизма» и деятельности правящей партии в культурно-ментальной сфере на содержание работы спецслужбы по религиозной линии;
- анализ организационно-функционального устройства и эволюции подразделений органов госбезопасности, которые специализировались на агентурно-оперативной «разработке» и информационном мониторинге религиозной жизни страны;
- освещение устремлений зарубежных разведок и соответствующих иностранных государственных (конфессиональных) центров, а также Ватикана по отношению к религиозной сфере Украины, противоборства с ними советских спецслужб;
- углубленное исследование форм и методов агентурно-оперативной, следственной и информационно-аналитической работы органов госбезопасности СССР;
- изучение служебной биографии руководителей и ведущих сотрудников тех оперативных подразделений «чекистских органов», на которые возлагалась работа «по борьбе с антисоветскими элементами из числа духовенства, церковников и сектантов» (распространенное в свое время определение данного профиля оперативной работы).

В силу присущему советскому периоду истории тотальному контролю и вмешательству госбезопасности в религиозную сферу СССР и Украинской ССР, в частности (от подбора и вербовки монахинь монастырей Украины для перевода в Горненский монастырь близ Иерусалима до слежки за Патриархом Московским и всея Руси на отдыхе в Одессе), документы упомянутых подразделений спецслужб представляют собой исключительно продуктивный исторический источник в сфере изучения прошлого церковно-государственных отношений. Правда, требующий одновременно тщательной источниковедческой и историко-герменевтической экспертизы и критики. Более того, акции спецслужб в религиозной сфере, изменения служебных приоритетов, форм и методов оперативной работы представляют своеобразную квинтэссен-

Політичний терор і тероризм в Україні: Історичні нариси. К., 2002; Радянська влада та православна церква на Чернігівщині у 1919–1930 рр.: зб. документів і матеріалів / вип. ред. Р.Б. Воробей; упорядники А.В. Морозова, Н.М. Полетун. Чернігів, 2010; Репресована церква: Про трагічну долю Української Греко-Католицької Церкви. Дрогобич, 1994; *Сурмач О.І.* Греко-Католицька Церква в період німецького окупаційного режиму в Україні (1941–1944 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Львівський національний ун-т ім. Івана Франка. Л., 2001; *Сердюк Н.С.* Репресії радянських органів державної безпеки щодо української греко-католицької церкви в 1944–1949 рр.: дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. К., 2006; *Стоцький Я.* Держава і релігія в західних областях України: конфесійні трансформації в контексті державної політики 1944–1946 рр. К., 2008; Червоний терор проти духовенства і віруючих на Східній Волині (Житомирщині) у 20–30-х роках ХХ ст.: архівні документи та матеріали / упоряд. С.І. Жилюк. Рівне, 2003; *Форостюк О.Д.* Правове регулювання державно-церковних відносин у радянській Україні в 1917–1941 роках (на матеріалі Донецького регіону): дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. Луганськ, 2001; *Ярема Р., протоіерей.* Львовський Церковний Собор 1946 года в свете торжества Православия в Западной Украине. К.: КИТ, 2012; и многие другие.

цию государственного курса по отношению к религии на определенных этапах истории советского общества.

К сожалению, огромный, представляющий чрезвычайную историко-познавательную ценность массив документов спецслужб в Украине по линии оперативной работы в религиозной среде был уничтожен (исходя из складывавшейся в Украине динамичной общественно-политической и оперативной обстановки) в соответствии с приказом КГБ УССР № 00150 1990 года. Были буквально «зачищены» фонды подразделений, занимавшихся религиозной сферой.

Прежде всего речь идет о документальной базе 5-го Управления КГБ УССР (переименованного в то время в Управление «З» – защиты конституционного строя), его предшественниках в структуре так называемых «секретно-политических» подразделений органов госбезопасности, с начала 1920-х гг. занимавшихся общественной сферой, нелегальными националистическими и национал-демократическими организациями, диссидентами, религиозными конфессиями, областью культуры, интеллигенцией, творческими союзами, неформальными организациями. До нас, к примеру, не дошли:

- 6-томное дело по «церковникам и сектантам» 1942–1945 гг. производства;
- 23-томное литературное дело (1952–1965 гг.) на подполье «Истинно-Православной церкви» и подобные формирования, а также по нелегальной Украинской автокефальной православной церкви;

- литературные дела 2-го Управления МГБ УССР «Греко-католическое духовенство» и «Греко-католики» (1946–1947 гг.);

- 28 томов дела на «бывшее униатское духовенство» (1950–1965 гг.);

- 16-томное дело по старообрядцам (1954–1962 гг.);

- литературное дело 1952–1961 гг. об «антисоветской деятельности» монашествующих Русской православной церкви;

- несколько многотомных оперативных дел на духовенство украинской Греко-католической и Римско-католической церковью (1947–1973 гг.);

- многотомное дело на духовенство Русской православной церкви;

- многочисленные агентурно-оперативные многотомные дела на «церковно-монархическое подполье» – «Остров», «Халдеи», «Скит», «Бирюки», «Блудницы», «Юродивые», «Проповедники» и др.;

- литературное дело по обновленцам (1937–1941 гг.) и многие другие, вплоть до материалов о появившихся в 1980-х гг. неокульты типа кришнаитов и буддистских сект, а также «немало дел-формуляров» на конкретных церковных иерархов и «авторитетов» сектантских формирований⁴.

Колоссальный объем эмпирического материала по драматическим аспектам церковно-государственных отношений погиб навсегда или восстанавливается по сохранившимся фрагментам. Тем большее научно-познавательное значение имеет солидный документальный массив спецслужб и других советских государственных органов, исследованный авторами и использованный при написании этой книги. Помещенный в книгу документальный материал преимущественно впервые предлагается вниманию читателей.

Речь идет об изученных нами плановых, отчетных, информационно-аналитических, агентурно-оперативных документах профильных подразделений контрразведывательных органов спецслужбы (в частности, 2-го Управления НКГБ – МГБ – КГБ УССР; отдела «О» МГБ УССР; соответствующих отделов 4-го (секретно-политического) Управления КГБ при СМ УССР, 5-го Управления КГБ – «борьба с идеологической диверсией»), материалах следственных подразделений и уголовных делах, документах оперативно-технических подразделений спецслужбы, привлекавшихся к разработке религиозной сферы. Кроме того, существенную

⁴ См. обзор подобных наиболее ценных дел: Отраслевой государственный архив СБ Украины. Ф. 13. Д. 511.

информационную нагрузку несут материалы подразделений, занимавшихся внешней разведкой, разведывательной работой за линией фронта в 1941–1944 гг. (4-е Управление НКВД – НКГБ УССР, разведывательный отдел Украинского штаба партизанского движения).

В книгу вошли научно-документальные очерки, тематически охватывающие основные составляющие оперативной деятельности спецслужбы в религиозной сфере в 1920–1960-х гг. (хронологические рамки исследования, надеемся, будут расширяться по мере рассекретивания документов КГБ УССР). Речь идет о деятельности контрразведки по отношению к канонической Православной церкви, Римско-католической и Греко-католической церквям, протестантским течениям, Украинской автокефальной православной церкви, «катакомбным» течениям и деструктивным сектам. Впервые раскрываются организация, кадровый состав, формы и методы деятельности антирелигиозных подразделений НКГБ – МГБ – КГБ УССР. Воссозданы биографии руководителей упомянутых подразделений.

Мы сочли необходимым самостоятельный раздел работы посвятить иерархам Православной церкви, ставшим священномучениками и исповедниками за веру Христову, личным примером показавшим современникам великую духовную стойкость и ревность в служении в годы невиданного со времен римских кесарей богоборчества и мученичества христиан.

Безусловно, восприятие приведенных материалов сопряжено с серьезной морально-психологической нагрузкой, ведь они порождены специфической и циничной работой спецслужб, действовавших в условиях целенаправленного превращения духовной сферы в арену отстаивания земных и зачастую несправедливых интересов «центрами силы» тленного мира. Однако, помимо научной необходимости демонстрации реальной картины религиозной жизни Украины бурного XX столетия, приведенные материалы напоминают о страшных долговременных последствиях грубого и своекорыстного вмешательства в духовную сферу, преследующую своей целью спасение людских душ.

Часть первая

Спецслужбы на «Религиозном фронте»

«Мне есть что вспомнить...»

Богоборческая карьера Евгения Тучкова

...15 апреля 1957 г. в Центральный госпиталь МВД СССР срочно пригласили Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. Встретиться для исповеди с первоиерархом Русской православной церкви пожелал умиравший от распадающегося рака желудка... бывший главный организатор гонений на церковь от органов госбезопасности, бывший ответственный секретарь Антирелигиозной комиссии ЦК партии большевиков, бывший член Центрального Совета Союза воинствующих безбожников, отставной майор госбезопасности Евгений Тучков. В партийных кругах его за глаза прозвали «главпопом», в церковных – «игуменом», а историки Церкви и поныне считают «одной из ключевых и загадочных фигур российской истории советского периода».

Революцией призванный

«Ведущий религиовед» ОГПУ СССР родился в 1892 г. в деревне Теляково Суздальского уезда Владимирской губернии. Рано осиротевшего Евгения воспитывала старшая сестра Анастасия – глубоко религиозная женщина, стремившаяся воцерковить брата. Закончив четырехклассную приходскую школу, Евгений «ушел в люди», в 1915 г. призвался в армию, служил писарем при штабах на Западном фронте. Интересно, что когда в 1916 г. в императорской армии отменили обязательную исповедь, к ней добровольно приходило не более 16 % военнослужащих-православных. Вызрели духовные предпосылки грядущего масштабного кровопускания Гражданской войны... В октябре 1917 г. избрался от солдат гарнизона членом Совета рабочих и крестьянских депутатов в городе Юрьеве-Польском, а через год по партийному набору попал на службу в ЧК Иванова-Вознесенска, где заведывал... юридическим отделом!

В 1919 г. был направлен на руководящую работу в Уфимскую губернскую ЧК, там сформировал отряд особого назначения, который принимал активное участие в жестоком подавлении Мензелинского крестьянского восстания в Башкирии (ранее крестьяне вилами перебили продотряд численностью в 35 человек). Как способный организатор получил назначение заведующим секретным отделом губернской ЧК. На Урале же встретил подругу жизни – Елену Яковлеву. В Уфе у них родился сын, умерший во младенчестве. В браке прожили долгую жизнь, в Москве в 1923 г. родился второй сын Борис, единственный ребенок, которого любил и баловал отец⁵.

⁵ Бычков С. Чекистский «игумен» Евгений Тучков [электронный ресурс: <http://www.kiev-orthodox.org>].

Начальник антирелигиозного подразделения ОГПУ Евгений Тучков (1892–1957 гг.)

Летом 1921 г. чекист Тучков отличился при изъятии церковных ценностей (официально – «в пользу голодающих»), и за особое рвение осенью того же года его перевели в Москву.

В центральном аппарате советской спецслужбы ВЧК (с 1923 г. – ОГПУ) «специализацией» Е. Тучкова являлась «церковная линия». Он стал сначала заместителем руководителя, затем – начальником 6-го отделения Секретно-политического отдела (СПО, борьба с идейно-политическими противниками, церковью и интеллигенцией) ОГПУ, а с сентября 1922 г. – еще и ответственным секретарем Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) (координация антирелигиозной борьбы в СССР). С весны-лета 1921 г. началось фронтальное наступление власти на церковь как на главную помеху овладения сознанием и душами людей. Е. Тучкову довелось сотрудничать по линии Комиссии с ведущими фигурами «ленинской гвардии» (и будущими фигурантами процессов времен «Большого террора») – Н. Бухариным, А. Каменевым, Г. Зиновьевым, а также председателями ОГПУ Ф. Дзержинским и В. Менжинским.

Стратегию изоэщренного подрыва Церкви предложил в записке в Политбюро ЦК РКП(б) от октября 1922 г. Лев Троцкий, глава военного ведомства республики. Лев Давыдович рекомендовал инспирировать раскол Православной церкви на лояльную власти, «обновленную», противопоставившую себя «патриаршей» («реакционной»). Главным инструментом раскола стали органы госбезопасности и репрессивные мероприятия. Тучков лично допрашивал патриарха Тихона, докладывая о результатах Л. Троцкому и восходящему лидеру партии И. Сталину. В 1923 г. его за особые заслуги наградили именованным «маузером».

Вплоть до роспуска Антирелигиозной комиссии (АРК) в 1929 г. Тучков ведал в ОГПУ СССР практически всеми «делами» Русской православной церкви (РПЦ), протестантов, мусульман, иудеев. Именно в недрах 6-го отделения в 1927 г. сформировали организационную церковную структуру, в основных чертах сохранившуюся и по сей день.

В столице Тучков вместе с семьей и набожной сестрой поселился в Серафимо-Дивеевском подворье, где сестер-монахинь возглавляла матушка Анфия. Получив отличные апартаменты и бытовые услуги сестер, «главпоп» весьма оригинально благодарил монахинь. Как пишет историк М. Губонин, получив от агентуры сведения о местах предстоящих торжественных богослужений святейшего патриарха Тихона или архиепископа Илариона (Троицкого), которого особенно любили верующие москвичи, монахини безбоязненно направлялись на службу. «Мы уж ему премного благодарны. А то ведь другой-то давно бы уж нас всех разогнал: кого куды, и костей не соберешь», – говаривала матушка Анфия⁶.

⁶ Смыслов О. Богоборцы из НКВД [электронный ресурс: <http://www.e-reading.club>].

Технолог расколов

По слову святителя Иоанна Златоуста, грех раскола церкви не смывается и мученической кровью, ведь церковь – живое тело Христа, и Он же ее Глава. Технологию агентурно-оперативной работы по расколу РПЦ изложил сам Тучков на заседании АРК 31 октября 1922 г.: «Пять месяцев тому назад в основу нашей работы по борьбе с духовенством была поставлена задача – борьба с реакционным тихоновским духовенством и, конечно, в первую очередь с высшими иерархами, как то: митрополитами, архиепископами, епископами и т. д. Для осуществления этой задачи была образована группа, так называемая “ЖИВАЯ ЦЕРКОВЬ”, состоящая преимущественно из белых попов, что дало нам возможность поссорить попов с епископами, примерно как солдат с генералами, ибо между белым и черным духовенством существовала вражда еще задолго до этого времени, так как последнее имело большое преимущество в церкви и ограждало себя канонами от конкуренции белых попов на высшие иерархические посты...»⁷

С осени 1924 г. «игумен» Тучков приступил к подготовке нового дела против патриарха Тихона – создал агентурную разработку по так называемой «Шпионской организации церковников». В начале февраля 1925 г. Тучков арестовал известного церковного историка, профессора И. Попова, которому приписывалось «вхождение в группу», возглавляемую патриархом. Лишь смерть владыки Тихона позволила ему избежать Соловков, регулярно пополняемых клиром РПЦ⁸.

Разумеется, основным средством борьбы с церковью была агентура в среде священнослужителей и мирян, хотя в то время отказ от сотрудничества мог стоить весьма дорого. Как докладывал Е. Тучков, по «церковной линии» количество секретных осведомителей («сексотов») с 400 в 1923 г. выросло до 2500 в 1931 г. За полноту влияния на РПЦ Е. Тучкова часто сравнивали с обер-прокурором Святейшего синода Константином Победоносцевым (по определению народного комиссара образования СССР Анатолия Луначарского)⁹. Как отмечал известный перебежчик-«невозвращенец» из разведки ОГПУ Георгий Агабеков (позднее ликвидированный бывшими коллегами), «работа по духовенству поручена шестому отделению ОГПУ, и руководит ею Тучков. Он считается спецом по религиозным делам и очень ловко пользуется разделением церкви на старую и новую, вербуя агентуру с той или с другой стороны»¹⁰.

Нередко выступал он и в советской прессе со статьями под псевдонимом Теляковский (по названию родного села), став автором 30 статей и трех антирелигиозных брошюр. Не сумев окончить МГУ, получил специальное образование в Высшей школе НКВД (1935–1939), хотя писал с массой орфографических ошибок.

В 1931 г., готовя для начальника СПО ОГПУ Якова Агранова проект наградного листа на себя же, Е. Тучков так излагал свои «заслуги» на антицерковном фронте: «В настоящее время состоит в должности начальника 3-го отделения Секретно-политического отдела ОГПУ... В 1923–1925 гг. им были проведены два церковных собора (всесоюзные съезды церковников), на которых был низложен патриарх Тихон и вынесено постановление об упразднении монастырей, мощей, а также о лояльном отношении церкви к соввласти. На протяжении ряда лет тов. Туч-

⁷ Доклад начальника VI отделения Секретного отдела ГПУ Е.А. Тучкова. 30 октября 1922 г. [электронный ресурс: <http://doc20vek.ru>].

⁸ *Цытин В., протоиерей*. Русская церковь (1917–1925 гг.). М.: Издательство Крутицкого подворья, 1996. С. 392–393.

⁹ Архивы Кремля. М.: РОССПЭН; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Кн. 2: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. С. 355–356.

¹⁰ *Агабеков Г.* Секретный террор Сталина. Исповедь резидента [электронный ресурс: <http://books.google.com.ua>].

ковым проводилась серьезная работа по расколу заграничной Русской православной церкви. Блестяще проведена работа по срыву объявленного папой римским в 1930 г. крестового похода против СССР... Благодаря энергичной работе тов. Тучкова была раскрыта и ликвидирована в конце 1930 и 1931 гг. Всесоюзная контрреволюционная монархическая организация церковников «Истинно-Православная церковь», опиравшаяся в своей антисоветской деятельности на черносотенно-клерикальные круги. Организация имела множество своих филиалов – 300 повстанческих ячеек, огнестрельное и холодное оружие...»¹¹

Считалось, что сопротивление церкви практически было сломлено, митрополит Сергей и его Синод стали карманными. Именно Тучков сфабриковал текст «Декларации 1927 года» о полной лояльности РПЦ власти и заставил мягкого митрополита Сергея подписать подложный документ.

Одновременно «главпоп» жестоко мстил Местоблюстителю Патриаршего престола (в 1925–1936 гг.), митрополиту Петру (Полянскому), который, несмотря на суровые условия ссылки в Заполярье, одиночные камеры, издевательства, цингу, астму, болезни ног, твердо стоял на своих позициях, не желая слагать с себя полномочия Местоблюстителю «в пользу каких-то проходимцев». Не удалось опытному агентуристу Тучкову и заполучить владыку Петра в аппарат «сексотов» – негласных помощников ОГПУ – НКВД. В июле 1931 г. Особое совещание ОГПУ приговорило митрополита к очередному продлению срока заключения, дав ему 5 лет лагерей. Однако по личной записке Тучкова «заключенного № 114» в лагерь не отправили (хотя священномученик и просил в точности исполнить приговор – «просторный» лагерь позволял хотя бы быть на воздухе и общаться с людьми), а содержали в «одиночке» Верхнеуральской тюрьмы для особо опасных заключенных, запретив даже ночные прогулки. 10 октября 1937 г. митрополита Петра расстреляли по приговору «тройки» Челябинского УНКВД¹².

Хотя Е. Тучков и получил орден Трудового Красного Знамени, с ликвидацией в 1929 г. Антирелигиозной комиссии и приходом в 1934 г. к руководству органами НКВД и госбезопасности Генриха Ягоды начинается карьерный закат «игумена», пробавлявшегося теперь участием в кадровых «чистках» московских районных парторганизаций и вузов. В «команду» расстрелянного в 1938 г. Ягоды он не попал, что, видимо, и спасло «религиоведу» жизнь.

В последние годы работы в НКВД занимал должность уполномоченного по Уралу. В звании майора госбезопасности (что соответствовало армейскому комбригу) в 1939 г. был уволен, занимался атеистической пропагандой и в 1941 г. стал ответственным секретарем Центрального Совета союза воинствующих безбожников, возглавляемого «старым большевиком» Емельяном Ярославским (Минеем Губельманом)¹³.

Целенаправленному государственному богоборчеству положил начало Декрет советского правительства «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Церковь утратила правовой статус государственного учреждения, право на распоряжение имуществом, защиту в судебном порядке, у нее изымались материальные ценности. Борьбу с самой верой Христовой В. Ленин в программной статье марта 1922 г. «О значении воинствующего материализма» назвал «нашей государственной работой».

В 1932 г. в СССР провозгласили начало «безбожной пятилетки», в ходе которой гонения на православие приобрело всеобщий и систематический характер. Тогда же Союз воинствующих безбожников (СВБ) официально имел 50 тыс. первичных организаций, до 7 млн членов, из которых 2 млн входили в группы «юных воинствующих безбожников».

¹¹ Тот, кто разрушал церковь и гноил священников на Соловках [электронный ресурс: www.solovki.ca].

¹² Коскелло А. Священномученик Петр (Полянский): недипломатичный архиерей [электронный ресурс: <http://www.pravmir.ru>].

¹³ *Бабенко Л.Л.* Радянські органи державної безпеки в системі взаємовідносин держави і православної церкви в Україні (1918 – середина 1950-х рр.). Полтава: АСМІ, 2014. С. 163–164.

Конституция СССР 1936 г. уже не включала положения о свободе религиозного исповедания, оставляя гражданам лишь право на «отправление религиозных культов», зато закрепляла право на «свободу антирелигиозной пропаганды». Преследования Православной церкви повлекли и еще одно тяжкое последствие – оживление псевдоправославного сектанства, появление мистических течений, «подпольных групп».

Однако, несмотря на почти полную административно-репрессивную ликвидацию церкви, всесоюзная перепись населения 1937 г. показала реальный уровень религиозности советских людей (вопросы о религиозных убеждениях в опросные листы внесли по личной инициативе И. Сталина). Из 30 млн неграмотных граждан, старших по возрасту 16 лет, верующими объявили себя 84 % (25 млн душ), из 68,5 % грамотных – 45 % (свыше 30 млн).

Антирелигиозная пропаганда, признавали власти, к концу 1930-х велась в основном пассивно, формально-казенно. В докладной записке отдела культпросветработы ЦК ВКП(б) от февраля 1937 г. отмечалось, что из 13 антирелигиозных журналов закрыто 10, из них 6 на «национальных» языках, кино- и радиоантирелигиозной пропаганды не ведется, сеть первичек и районных организаций Союза безбожников почти везде развалилась, членские взносы Союза с 200 тыс. рублей в 1933 г. сократились до 35 тыс. ежегодно, некоторые областные организации ударились в «сомнительные коммерческие махинации». Формально ячейки СВБ к 1941 г. действовали только в 34 % колхозов Украины.

Сам И. Сталин, видимо, не педалировал наступление на церковь, хотя и имел безраздельную власть и мощный аппарат принуждения. Его отношение к религии определялось, скорее, политической конъюнктурой. Д. Волкогонов в работе «Сталин и религия» приводит слова вождя – отбирая литературу для дачной библиотеки, он пишет: «Прошу, чтобы не было никакой атеистической макулатуры!» Тем не менее результаты политики агрессивного безбожия принесли страшные плоды. К началу Великой Отечественной войны церковь в Советском Союзе была почти полностью разгромлена. 250 архиереев расстреляли, в ссылке находилось 16 владык (среди них будущий архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий), выдающийся хирург и ученый, ныне прославленный как святитель Лука Крымский). На свободе пребывало лишь три митрополита и епископ.

Как сообщалось в архивном отчете о деятельности Наркомата госбезопасности УССР в годы войны, в Украине к 1941 г. уцелело 3 % приходов от их дореволюционной численности, в ряде индустриальных областей действующие храмы отсутствовали полностью. В Одессе действовала одна церковь, в Киеве вели службы два храма, три священника и один дьякон (до революции в Киеве было 1750 храмов и монастырей).

Чудом избежал расправы в 1939 г. митрополит Сергей (Местоблюститель Патриаршего престола), был расстрелян его келейник и арестована сестра Александра. В 1940 г. Георгий Маленков вообще предложил И. Сталину ликвидировать Московскую патриархию. Как полагают историки церкви, диктатора удержали от этого возможные волнения балканских народов в защиту православных в России и наличие 60 млн православных верующих в самом СССР (Да и приближение войны он прекрасно понимал. – *Прим. авт.*). Протоиерей Леонид Константинов, настоятель Николо-Иосафовского собора в Белгороде, писал, что в январе 1941 г. глава НКВД СССР Лаврентий Берия назначил на 22 августа операцию по окончательной ликвидации Православной церкви. Но 22 июня грянула война...

Банкротство дела всей жизни

Состоявшийся в годы Великой Отечественной войны впечатляющий религиозный подъем народа, выстоявшего в страшной войне, определенные послабления со стороны продолжавшего оставаться воинственно-атеистическим режима привели к неожиданному еще несколько лет назад росту воцерковления людей. 4 сентября 1943 г. на ночном совещании у И.

Сталина (при участии Л. Берия) приняли решение о либерализации политики по отношению к РПЦ. Уже 8 сентября 1943 г. Поместный собор избрал Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия. Началось открытие храмов, монастырей, духовных учебных заведений. 31 января 1945 г. Поместный собор утвердил «Положение об управлении РПЦ». Новым «куратором» церкви от органов госбезопасности стал полковник (с 1945 – генерал-майор) Георгий Карпов, назначенный председателем Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР.

Сотрудники 6-го (антирелигиозного) отделения СПО ОГПУ

В новом наступлении на церковь услуги изошренного разрушителя церкви Е. Тучкова новому «куратору» РПЦ почему-то не понадобились (к тому же окончательно распалось агентурное «детище» Тучкова – «обновленческая церковь»). Впрочем, Г. Карпов и сам имел в церковных кругах скверную репутацию – в довоенные годы удостоился ордена Красной Звезды за «операции против церковно-монархического подполья», а уж в застенках с фигурантами-«церковниками» не церемонился¹⁴. Не случайно численность новомучеников и исповедников РПЦ, пострадавших за веру с 1917 г., дважды превысила число канонизированных за весь период существования христианства на Руси.

Почти всех коллег майора – «религиоведов-ликвидаторов» из 6-го отделения СПО ОГПУ – истребили сослуживцы еще в «чистках» НКВД 1936–1939 гг. «Родное» ведомство о нем забыло. Союз воинствующих безбожников, уже формально влачивший существование, И. Сталин ликвидировал в 1946 г. Но для Евгения Александровича «встречи с исповедниками, мучениками не прошли даром, – пишет наш российский коллега Сергей Бычков. – В послевоенный период он пытался переосмыслить события 20-х годов. Жаль, что страх и внутренний цензор так и не позволили ему раскрыть истинных мыслей и оценок – результата его долгих наблюдений и размышлений. Атеистические брошюры, изданные им после войны, убоги и бесцветны»¹⁵.

С 1946 г. Тучков ушел на пенсию, хотя и числился внештатным лектором Центрального лекционного бюро Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР. В 1947-м завершил работу над книгой «Русская православная церковь и контрреволюция», где события доведены лишь до 1925 г. – до смерти патриарха Тихона. Большая часть книги посвящена обновленцам, их лжесоборам и фальсифицированным документам, которые сам Тучков и готовил.

После войны приобрел участок земли под Москвой и строил дачу с кабинетом, в котором мечтал начать капитальную работу над воспоминаниями. «Мне есть что вспомнить», – говорил он внукам. Окончательный вариант книги назывался «Октябрьская социалистическая революция и Русская православная церковь» (в центре повествования оказывались церковные

¹⁴ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 52–53; Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 109.

¹⁵ Бычков С. Большевики против Русской церкви [электронный ресурс: <http://www.portal-credo.ru>].

проблемы, по которым вел оперативную работу сам автор, – это был бы ценнейший источник по подлинной истории гонений на церковь в СССР). Завершить труд помешала неизлечимая болезнь.

Иначе как переосмыслением содеянного вряд ли можно объяснить приглашение Патриарха для церковной исповеди «заслуженного чекиста», умиравшего от неоперабельного рака с метастазами. Алексей I, сын камергера императорского двора и внук сенатора Российской империи, незамедлительно прибыл к крестьянскому сыну Е. Тучкову, хорошо ему знакомому по жестким «беседам» недобрых 1920-х гг. Их беседа длилась несколько часов, и супруга Елена Александровна, убежденный атеист, уже беспокоилась – успеет ли проститься с умирающим...

Евгения Тучкова похоронили на Ваганьковском кладбище и «келейно» заговорили о нем лишь в популярном среди диссидентов 1970-х исследовании А. Краснова-Левитина и В. Шаврова «Очерки по истории русской церковной смуты»¹⁶. Вспомним и мы эту личность, подтвердившую своим примером знаменитое – «Бог поругаем не бывает!».

¹⁶ Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. 670 с.

Полвека на тайном поприще Страницами биографии полковника Сергея Карина-Даниленко

Сын кулака и патриот Украины

Полковник Сергей Тарасович Карин-Даниленко (1898–1985 гг.) по праву считался «живой легендой» органов госбезопасности Украины. В его служебной биографии числятся оперативные игры с зарубежными центрами украинской политэмиграции, зафронтовая работа в тылу гитлеровцев, попытка создать подконтрольный НКВД «Провод ОУН» на Западной Украине в 1944 г., посредничество в переговорах с командованием УПА, «самоликвидация» украинской Греко-католической церкви, выполнение деликатных поручений Л. Берия. «Имеет огромный опыт чекистской работы, лично провел весьма много сложных оперативных дел», – писали кадровики МГБ УССР на излете его карьеры в 1946 г.

Начинающий чекист Сергей Карин (1921 г.)

На скрижали хрестоматийного жизнеописания заслуженного чекиста не принято было заносить его ведущую роль в изощенной борьбе безбожной власти со Святою соборною и апостольскою церковью, с единством православия в Украине в 1923–1931 гг. Да и иные драматические страницы в истории религии в Украине не будут полными без учета роли этого незаурядного человека.

Сергей Карин родился в 1898 г. в селе Высокие Байраки Херсонской губернии (на территории современной Кировоградской области). Как свидетельствуют материалы личного дела чекиста (автобиография от 25 августа 1944 г.)¹⁷, отец его, Тарас Александрович, происходил из крепостных, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в рядах любимого полка генералиссимуса А. Суворова – лейб-гвардии Фанагорийского, выжил в кровопролитных штурмах Плевны, обошедшихся русской армии в 40 тыс. убитых и раненых. От двух браков имел 15 детей, стал, как говорится, крепким хозяином.

Дотошные материалы спецпроверки, составленные при восстановлении Карина-Даниленко на службе в органах госбезопасности в 1944 г., указывали, что отец чекиста был кулаком, имел до 70 десятин земли, конную молотилку, веялку, плуг, нанимал батраков и перепродавал

¹⁷ ОГА СБУ. Ф. 12. Д. 5037. Т. 1. Л. 38.

скот. Позднее односельчане написали С. Карину – его родители умерли от голода в 1933 г., в то время когда его сын верой и правдой служил в советской внешней разведке.

Интересно, что будущий борец с «украинским буржуазным национализмом» в юности являлся «национально сознательным» украинцем. Обучаясь в 1911–1919 гг. в Елисаветградском коммерческом училище, говорится в документах, «принимал участие в украинском нелегальном кружке шовинистического направления» («шовинистами» в специфической по национальному составу чекистской среде 1920–1930-х гг. именовали украинских национал-патриотов и «самостийников»). «Был, безусловно, заражен шовинизмом ради спасения “неньки Украины”», – каялся Сергей Тарасович в автобиографии от 14 сентября 1923 г.¹⁸

При проверках 1939 и 1944 гг. односельчане Карина показали, что тот «высказывался националистически» буквально незадолго до его вербовки в секретные сотрудники ЧК в 1921 г. Сам он писал, что намеревался поступить в Украинскую партию боротьбистов (бывшие украинские социалисты-революционеры), но не сделал этого по причине... объединения партии с Компартией большевиков Украины (КП(б)У). Сергей прекрасно владел украинским языком и в период украинизации даже входил в комиссию по «испытанию знания украинского языка» сотрудниками ГПУ УССР.

В Гражданской войне выпускник Елисаветградского реального училища примкнул к красным, на бронепоезде «Смерть белым!» принимал участие в боях с деникинцами и махновцами, пока молодого человека не свалил тиф. Лечился у отца, работал помощником землемера. Чудом избежал гибели, когда в декабре 1919 г. родное село разгромили «белые» каратели элитной Дроздовской дивизии. Выздоровев, основал в родном селе, совместно с актрисой Алисой Вербицкой, любительский театр. Тут-то по ложному доносу Сергея осенью 1920 г. арестовала Елисаветградская уездная ЧК.

Его обвиняли в укрывательстве А. Вербицкой (вдовы убитого махновцами офицера армии Украинской Народной Республики – УНР), которую чекисты арестовали как «подпольщицу» (донос направил некий Юрченко, которому женщина отказала во взаимности). Со временем разобрались, и Алиса даже вышла замуж за сотрудника госбезопасности В. Петрова. К счастью, его не поспешили «вывести в расход». Видимо, в это время юноша чем-то приглянулся чекистам и согласился стать секретным сотрудником (агентом, по современным понятиям). С тех пор судьба С. Карина, в 1922 г. прибавившего к собственной фамилии для удобства работы в Украине приставку «Даниленко», стала неотделима от органов госбезопасности.

Рискованные игры

Первыми серьезными оперативными испытаниями для будущего контрразведчика стали операции по разработке подпольных органов украинского повстанчества. В июле 1921 г. С. Карин-Даниленко в составе опергруппы Киевской губернской ЧК принял участие в ликвидации «Украинской войсковой организации сечевых стрельцов». Карин через однокашника по училищу, студента Турянского, внедрился в подпольную «Украинскую войсковую организацию» и содействовал ее ликвидации.

Затем последовала ликвидация «Всеукраинского петлюровского повстанкома», Уманского повстанкома (август 1921 г.). В сентябре-ноябре 1921 г. неопит ЧК внедрился в елисаветградскую подпольную антисоветскую организацию «Народная месть» и «подвел» ее под ликвидацию.

Вскоре пришлось овладеть амплуа «связного атамана Новицкого, действовавшего на Елисаветградщине», направленного якобы с донесениями в закордонный Повстанческо-партизанский штаб (ППШ) при Генштабе армии Украинской Народной Республики в эмиграции

¹⁸ ОГА СБУ. Ф. 12. Д. 5037. Т. 3. Л. 25.

(войти в доверие к Новицкому помог ранее внедренный в его формирование агент ВУЧК «Петренко»).

Старшие коллеги-чекисты обучали Сергея линии поведения на допросах, посвящали в нюансы ситуации в эмиграционной среде. В сентябре 1921 г. переправили в Польшу, и три недели он провел в беседах с самим главой ППШ атаманом Юрием Тютюнником. Польская контрразведка-«дефензива»¹⁹ не сумела разоблачить артистично, даже вызывающе исполнявшего ролевую игру агента ЧК.

Риск оправдал себя – чекист не только продвинул заготовленную дезинформацию, но и собрал сведения о готовящемся рейде генерал-хорунжего Василия Нельговского. Тютюнник, амбициям которого льстила информация об успехах повстанцев в Украине, сообщил Карину такие подробности своих боевых планов, что в штаб-квартире ВУЧК долго не могли поверить в истинность добытых сведений. Однако упреждающие меры приняли.

23 сентября отряды генерала встретили подготовленный отпор и потерпели поражение под Новоград-Волынском на Житомирщине. Добытые Каринным сведения дорого обошлись повстанцам, а дезинформация сбита с толку штабистов Тютюнника, рассчитывавших при проведении рейда на мифические подпольные организации и неисчислимую повстанческую рать. Дезинформация стала одной из решающих причин поражения отчаянного «Второго Зимнего похода» армии УНР в ноябре 1921 г. 400 повстанцев погибло, 360 пленных расстреляли под местечком Базар на Житомирщине²⁰.

Наградой разведчику стали золотые часы и перевод в центральный аппарат ВУЧК как «оказавшего большие услуги секретного сотрудника». А с Юрком Тютюнником ему довелось встретиться еще раз – в кабинете председателя ГПУ УССР Всеволода Балицкого, после реализации ГПУ оперативной комбинации «Дело № 39» (или же «Тютюн») по выведению генерал-хорунжего в СССР. Пленный атаман долго всматривался в лицо «посланца атамана Новицкого» и, наконец, сказал: «Перед кем можно склонить голову, так это перед ЧК. Хорошо работает...»²¹

Кадровым сотрудником советской спецслужбы С. Карин-Даниленко стал 14 августа 1922 г., заняв должность (до 1927 г.) уполномоченного Секретного отдела (СО) Секретно-оперативной части (СОЧ) Главного политического управления (ГПУ) УССР. Вскоре начальник СОЧ Н. Быстрых дал позитивную характеристику подчиненному – хороший агентурист, спокойный, настойчивый, добросовестный, работая секретным сотрудником, «оказал большие услуги».

Наставник по богоборчеству

Особое место в превращении актерских способностей Сергея Даниловича в мастерство сотрудника спецслужбы, ведущего рискованную оперативную игру, да и в дальнейшей его чекистской карьере, сыграл Валерий Горожанин. В. Горожанин являлся заметной фигурой в советской политической контрразведке и внешней разведке, определенное время выступал

¹⁹ К середине 1920-х гг. 2-й отдел Генштаба Польши состоял из 1-го (организационного), 2-го учетного отделений, 3-е отделение имело шесть «рефератов» с функциями внешней разведки и контрразведки («оффензивы и дефензивы»), 4-е (диверсионное) отделение ведало заброской в УССР и Белоруссию вооруженных отрядов, в том числе подчиненных ППШ. «Двуйка» имела шесть периферийных органов («экспозитур»), ведших разведку в смежных государствах. 5-я экспозитура во Львове ведала разведывательно-подрывной работой в советской Украине. См.: ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 445. Л. 20–20 об.

²⁰ Подробнее об этих событиях см.: Останній парад вояків УНР // *Веденеев Д.В., Шевченко С.В.* Розвіяні міфи: історичні нариси і статті. К.: Фенікс, 2010. С. 73–82.

²¹ См. подробнее: Крепкий «Тютюн» для атамана // *Веденеев Д.* Украинский фронт в войнах спецслужб: Исторические очерки. К.: К.И.С., 2008. С. 34–55.

координатором оперативной работы «по церковной линии» в Украине, и о нем стоит сказать несколько слов.

Валерий Михайлович Горожанин (настоящая фамилия, по одной из версий, Кудельский) родился в 1889 г. в Аккермане (ныне Белгород-Днестровский) Бессарабской губернии, в семье страхового агента. Закончил экстерном гимназию и в 1909–1912 и 1917 гг. обучался на юридическом факультете Новороссийского университета в Одессе (закончил четыре курса).

Это позволило ему впоследствии выделяться образованностью и общекультурным уровнем среди коллег по ГПУ – НКВД УССР и способствовало работе среди интеллигенции (к 1934 г. среди 209 руководителей органов НКВД разных уровней на столичной Харьковщине только 5 имели оконченное высшее образование, а не менее 70 – получили начальное образование или писались в анкетах «самоучками») ²².

В. Горожанин подготовил и внедрил в петлюровское подполье чекиста Сергея Карина-Даниленко, преподав ему первые уроки разведчика. Длительное время В. Горожанин служил руководителем секретно-политических подразделений органов госбезопасности Украины и СССР, занимавшихся оперативной разработкой политических и общественных организаций, интеллигенции, «церковной контрреволюции» и «сектантов».

С февраля 1921 г. – начальник Секретного отдела (СО) Центрального управления ЧК Украины в Харькове, начальник СО Всеукраинской ЧК, с марта 1922 г. и до мая 1930 г. – начальник СО (Секретно-оперативной части) ГПУ УССР. В это же время под его кураторством как раз «продуктивно» работал по «церковникам и сектантам» С. Карин (начертанная красным карандашом виза Горожанина стоит под «церковными» аналитическими отчетами С. Карина в высокие инстанции). Результаты агентурно-оперативной работы В. Горожанина и его подопечных по разрушению церкви были в декабре 1927 г. отмечены довольно редким тогда орденом Красного Знамени (кроме того, чекиста-«гуманитария» дважды поощряли высшей ведомственной наградой – знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ»).

Валерий Горожанин в воспоминаниях современников предстает хрупким человеком с красиво посаженной крупной головой и шапкой густых волнистых волос с проседью. Низкий голос приятного тембра резко контрастировал с решительностью в высказываниях, а «мягкая, впечатлительная, художественная натура» плохо гармонировала с делом его жизни. Валерий Михайлович, судя по всему, был разносторонней личностью, имел обширные знакомства среди интеллигенции (сейчас бы сказали – «человек тусовки»), что, помимо расширения оперативных возможностей, давало возможность «растворять» общение с секретными сотрудниками и осведомителями, коими была пронизана творческая и научная среда. Среди его друзей оказался сам Владимир Маяковский ²³.

Пролетарский поэт в то время «жил втроем» с горячей сторонницей «свободной любви» Лилей Брик и ее мужем Осипом Бриком (бывшим чекистом). Их квартиру-салон часто посещали сотрудники ведомства Дзержинского, и пролетарский поэт посвятил им в 1927 г. немало стихов. Среди них – стих «Солдаты Дзержинского», посвященный «Вал. М.» – Валерию Горожанину (они даже написали совместно сценарий «Инженер Д'Арси» («Борьба за нефть»)).

Что собой представляло окружение негласного сотрудника ГПУ Лили Брик (женщины с сексуальными патологиями), описывает А. Ваксберг в книге «Лиля Брик». Встречаясь в 1922 г. с эмигрантами в Берлине, сотрудник ГПУ Осип Брик «тешил друзей кровавыми байками из жизни ЧК, утверждая, что был лично свидетелем тому, о чем рассказывал. А рассказывал он о пытках, о нечеловеческих муках бесчисленных жертв», включая истязания православных священников.

²² Подсчитано автором по книге: *Золотарьов В. ЧК – ДПК – НКВС на Харківщині: люди та долі. 1919–1941.* Харків: Фоліо, 2003. С. 388–452.

²³ *Антонов В.С. Поэт и чекист // Независимое военное обозрение. 2011. 26 авг.*

Когда в августе 1930 г. Совнарком СССР постановил передать Лиле Брик половину наследства застрелившегося Маяковского (авторские права), отмечает А. Ваксберг, Брики устроили неприкрытое торжество и пьянку: «Постановление правительства о введении Лили в права наследства отмечали в том же Пушкине, на даче, где каждое дерево и каждый куст еще помнили зычный голос Владимира Маяковского. Арагоны (Известный писатель Луи Арагон был женат на сестре Л. Брик. – *Прим. авт.*) уехали, все остались в своей компании и могли предаться ничем не стесненному веселью»²⁴.

С 7 мая 1930 г. В. Горожанин пошел на повышение по той же линии работы – заместителем начальника Секретного (Секретно-политического) отдела ОГПУ СССР. 5 июля 1933 г. чекиста перевели во внешнюю разведку ОГПУ – НКВД СССР (в межвоенный период – едва ли не лучшую спецслужбу мира) помощником начальника, а затем и заместителем начальника Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ – ИНО Главного управления госбезопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Вряд ли случайным был и переход С. Карина во внешнюю разведку – в 1934–1937 гг. он служил помощником начальника Иностранного отдела ГПУ – УГБ НКВД УССР.

Кстати, Горожанин выдвинул еще одну легендарную личность – будущего генерал-лейтенанта и заместителя начальника внешней разведки Павла Судоплатова, которого со временем назовут «террористом СССР № 1». Павел Анатольевич, как известно, ликвидировал в 1938 г. в Роттердаме основателя и лидера организации украинских националистов Евгения Коновальца, в годы Великой Отечественной войны возглавлял 4-е Управление НКВД – НКГБ СССР (зафронтовая разведывательно-диверсионная работа), в послевоенные годы служил руководителем подразделения нелегальной разведки по добыче атомных секретов за рубежом диверсионно-террористического подразделения МГБ СССР.

«Горожанин имел большое влияние на украинскую творческую интеллигенцию, – писал сын П. Судоплатова, профессор Анатолий Судоплатов, – они благодаря ему вышли на широкую дорогу жизни и творчества»²⁵. Герой Советского Союза полковник Дмитрий Медведев отмечал в воспоминаниях, как «учился у Горожанина мастерству тонкой комбинационной игры с противником». Увы, в противники записали и тысячелетнюю Православную церковь.

К организации работы по «церковной линии» также имели прямое отношение и иные высокопоставленные чекисты, ценившие С. Карина. Среди них – заместитель начальника и начальник Секретно-политической части ГПУ УССР (1922–1924 гг.) Николай Быстрых («отличившийся» в конце 1920 г. как начальник Особого отдела 6-й армии и Крыма при «филтрации» и уничтожении на полуострове 12 тыс. «враждебных элементов», расстрелянный 22 сентября 1939 г.), а также начальник Секретно-оперативного управления – заместитель Председателя ГПУ УССР (1925–1929 гг.) К. Карлсон.

Комиссар госбезопасности 3-го ранга Карл Карлсон, расстрелянный после 22 апреля 1938 г., «признался» в том, что был вредителем, провокатором царской охранки, латышским, немецким и польским шпионом. Борцом с религией служил и Василий Иванов, участник крымских гекатомб 1920-го, член Всеукраинской антирелигиозной комиссии при ЦК КП(б)У, начальник столичного Харьковского областного отдела ГПУ, по совместительству – руководитель Учетно-информационного управления ГПУ УССР, контролировавшего и религиозные настроения населения (Иванова расстреляли 16 июля 1937 г. в Москве)²⁶.

²⁴ Работа А. Ваксберга цитируется по книге: *Кара-Мурза С.Г.* Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. М.: Алгоритм, 2002.

²⁵ *Судоплатов А.П.* Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце. М.: Современник; Олма-Пресс, 1998. Кн. 1. С. 39–40.

²⁶ *Шаповал Ю.І., Пристайко В.І., Золотарьов В.А.* ЧК – ГПУ – НКВД в Україні: особи, факти, документи. К.: Абрис, 1997. С. 139–140; *Шаповал Ю.І., Золотарьов В.А.* Всеволод Балицкий. Особа, час, оточення. К.: Стило, 2002. С. 67–68.

«От нас даже собаки шарахались...»

Отметим, что у ведущих «религиоведов» из ГПУ – НКВД УССР, как правило, оказывался общим последний земной адрес – 24-й километр подмосковного Калужского шоссе, спецобъект НКВД «Коммунарка», бывшая загородная резиденция главы НКВД СССР Генриха Ягоды (там он проводил совещания с руководителями ведомства). В апреле 1937 г. Ягоду арестовали, с дачи вывезли конфискованные вещи, а территорию отдали под «полигон» НКВД.

«Коммунарка» (бывший совхоз) стала «элитным» кладбищем – там проводили расстрелы или хоронили тела репрессированных военачальников, руководящих работников НКВД, представителей высшей партийной номенклатуры, а также известных деятелей науки и культуры (ориентировочно – до 6 тыс. человек). В 10 км от «Коммунарки» находится и печально известный Бутовский полигон НКВД, названный Патриархом Московским и всея Руси Алексием II «Русской Голгофой». Там в 13 рвах, вырытых мощным экскаватором «Комсомолец», упокоилось не менее 20 тыс. расстрелянных.

К 2009 г. среди казненных в Бутово было прославлено в лике святых 335 священнослужителей и мирян РПЦ. Трудно сказать, сколько всего там расстреляно представителей православного клира. Известно, например, что 17 февраля 1938 г. уничтожили 75 священников и монахов, 14 марта – 40.

Среди убиенных в Бутово священнослужителей самым старшим по сану архипастырем стал священномученик, управляющий Ленинградской епархией митрополит Серафим (Чичагов, расстрелян 11 декабря 1937 г.) – ведущий организатор прославления в 1903 г. преподобного чудотворца Серафима Саровского. Всего же за один только 1937 год в СССР закрыли 8000 храмов, ликвидировали 70 епархий и викариатств, расстреляли 60 архиереев из 250, в общей сложности казненных или умерших в заключении до смерти И. Сталина²⁷.

В «элитных» тюрьмах НКВД (вроде Сухановки – «Дачи пыток»), по подсчетам заключенного Евгения Гнедина, применялось 52 вида пыток и издевательств. Казни вчерашних коллег проводила расстрельная команда, или «спецгруппа», как ее называли в документах. В конце 1920-х – начале 1930-х это были сотрудники специального отделения при Коллегии ОГПУ, которое занималось охраной советских вождей и персонально Сталина. В штате центрального аппарата ОГПУ они значились как «комиссары для особых поручений»: А.П. Рогов, И.Ф. Юсис, Ф.И. Сотников, Р.М. Габалин, А.К. Чернов, П.П. Пакалн, Я.Ф. Родованский. Другая часть исполнителей служила в комендатуре ОГПУ.

Священномученик Серафим (Чичагов)

²⁷ Бутовский полигон. М., 2009. С. 34; Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. Вып. 8. М.: Альзо, 2007. С. 102–103.

К 1937 г. московский спецотряд палачей состоял из 12 «сотрудников для особых поручений» под командованием майора госбезопасности И. Ильина. Судя по фотографиям, заплечных дел мастера были отмечены «комплект» из орденов «Знак Почета», Красной Звезды и Боевого Красного Знамени, медалями, а Иван Шигалев (комендант Админхозуправления НКВД СССР с июля 1938 г.) получил и орден Ленина.

Патриарший экзарх Украины, митрополит Константин (Дьяков), погибший на допросе в НКВД 10 ноября 1937 г.

Среди исполнителей – известный еще с Гражданской войны «латыш со зверским лицом, особенно оживленный в дни, предшествующие ночным расстрелам» П. Магго (спился и умер перед войной). Позднее в «спецгруппу» вошли братья Шигалевы, П.А. Яковлев (начальник правительственного гаража, затем начальник автоотдела ОГПУ), И.И. Антонов, А.Д. Дмитриев, А.М. Емельянов (списан по шизофрении – сидел дома ночи напролет с заряженным револьвером, ожидая *прихода каких-то незваных гостей*), Э.А. Мач (палач с 26-летним стажем, был уволен «по причине нервно-психического расстройства»), И.И. Фельдман, Д.Э. Семенихин.

Часть палачей расстреляли свои же коллеги – Григория Голова, Петра Пакална, Фердинанда Сотникова. Из уцелевших почти никто не дожил до старости, часть исполнителей покончила с собой. К расправам над высокими начальниками присоединялись, по собственному желанию, и крупные руководители, пожелавшие «пострелять».

Часто появлялся, хотя положение и не требовало того, «главный палач Лубянки», комендант НКВД СССР, генерал-майор (с 1945 г.), кавалер восьми орденов Василий Блохин (1895–1955, умер от инфаркта). «Блохин натянул свою специальную одежду: коричневую кожаную кепку, длинный кожаный коричневый фартук, кожаные коричневые перчатки с крагами выше локтей. «Ну, пойдём...» – вспоминал о «деловой» встрече с палачом в Катюни бывший начальник УНКВД по Калининской области Дмитрий Токарев.

Нередко осужденных начальников-чекистов и партийных бонз предварительно жестоко избивали перед казнью: «Не менее запоминающаяся сцена разыгралась, когда в марте 1938-го приводили в исполнение приговор по делу Бухарина, Рыкова, Ягоды и других осужденных на показательном “Процессе правотроцкистского блока”. Ягоду расстреливали последним, а до этого его и Бухарина посадили на стулья и заставили смотреть, как приводится в исполнение приговор в отношении других осужденных. Ежов (Нарком внутренних дел СССР, расстрелян 4 февраля 1940 г. – *Прим. авт.*) присутствовал и, вероятнее всего, был автором подобной изощренной затеи. Перед расстрелом Ежов велел начальнику кремлевской охраны Дагину избить бывшего наркома внутренних дел Ягоду: “А ну-ка дай ему за всех нас”. В то же время расстрел собутыльника Буланова расстроил Ежова, и он даже приказал сначала дать ему коньяку». В дни расстрелов всем исполнителям и охране выставляли ведро водки, из которого черпали, кто сколько хотел, а также емкость с одеколоном – им ополаскивались после «работы», заби-

вая стойкий запах крови и пороховой гари. «От нас даже собаки шарахались», – признавались «сотрудники для особых поручений»²⁸.

Мастерство заплочных дел со временем доведется испытать в застенках НКВД и самому Карину-Даниленко – 26 месяцев он подвергался допросам и пыткам в тюрьмах Москвы и Киева.

Тогда же, в начале 1920-х гг., Сергей принялся за освоение крайне важного для коммунистической власти участка оперативной работы – антирелигиозного.

«Ночь будет длинная...»

7 апреля 1925 г., в праздник Благовещения, в возрасте 60 лет скончался Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин), избранный на этот пост после 300-летнего перерыва в истории патриаршества, на Всероссийском Поместном соборе 18 ноября 1917 г. Патриарх скончался, по официальным данным, от сердечной недостаточности. За несколько часов до смерти первосвященник РПЦ произнес: «Теперь я усну... крепко и надолго. Ночь будет длинная, темная-темная...»

Действительно, поистине темный период гонений на православие только начинался. Накануне Первой мировой войны Русская православная церковь (РПЦ) представляла собой официальную религию Российской империи и имела солидную структуру – насчитывалось до 125 млн православных верующих (70 % населения), 130 епископов, свыше 120 тыс. священников, диаконов и псаломщиков, 107 тыс. монашествующих и послушников. А также 67 епархий, свыше 78 тыс. храмов и часовен, 1256 монастырей, 4 духовные академии, 62 духовные семинарии, 185 духовных училищ²⁹, однако выступления многих религиозных деятелей того времени полны беспокойства и даже ужаса от реального состояния клира и иерархии.

Будущий священномученик Серафим (Чичагов) в письме от 14 ноября 1910 г. бил тревогу: «Пред глазами ежедневно картина разложения нашего духовенства. Никакой надежды, чтобы оно опомнилось, поняло свое положение! Все то же пьянство, разврат, сутяжничество, вымогательство, светские увлечения! Последние верующие – содрогаются от развращения или бесчувствия духовенства, и еще немного, сектантство возьмет верх... .. Духовенство катится в пропасть, без сопротивления и сил для противодействия. Еще год – и не будет даже простого народа около нас, все восстанет, все откажется от таких безумных и отвратительных руководителей... Что же может быть с государством? Оно погибнет вместе с нами! ... Все охвачено агонией, и смерть наша приближается»³⁰.

Три столетия существования РПЦ в статусе подконтрольного самодержавию и светской бюрократии ведомства порождали отчуждение мирян, несамостоятельность иерархии, под спудом вызревали анархические тенденции. В первое десятилетие не увенчались успехом попытки добиться у монарха созыва Поместного собора и восстановления патриаршества (хотя в царствование Николая II, лично благочестивого, но инертного человека, к лику святых причислили больше подвижников, чем за предшествующие 200 лет).

У руководства Священного синода в 1880–1905 гг. стоял крайне консервативный Константин Победоносцев, который не только препятствовал всякому реформированию церковного строя, но и «заботился» о снижении интеллектуального уровня священников. Притчей во языцех стал священник Георгий Гапон, агент политической полиции, подведший под пули

²⁸ Петров Н. Человек в кожаном фартухе // Новая газета. 2010. 21 окт.; Сопельняк Б. Палачи // Совершенно секретно. 1996. № 10. С. 14–15.

²⁹ Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Вече; Лепта, 2010. С. 60.

³⁰ Протоиерей Андрей Кураев приводит эти слова в своей книге «Христианство на пределе истории» по источнику: И даны будут Жене два крыла. М., 2002. С. 521–522.

мирные демонстрации 9 января 1905 г. в Петербурге – во время «Кровавого воскресенья» одних только убитых, по разным данным, насчитывалось от 96 до 250–300 человек.

Несмотря на усилия ряда архиереев, священников, части «богоискательской» интеллигенции, бурное развитие социальной и миссионерской деятельности церкви, всецело зависящая от державы РПЦ не получала «санкции свыше» на ответы на вызовы времени. Росли антиклерикальные настроения, снизу среди клира распространялись настроения христианского радикализма, христианского социализма и реформизма, росли социальное расслоение духовенства и неприязнь к «архиерейско-монашескому деспотизму».

Закладывались идеологические основы будущего «обновленческого» раскола (хотя тогда под обновлением вовсе не мыслилась конфронтация с канонической церковью). Уже в годы первой российской революции началось насилие по отношению к священникам РПЦ. После отмены Временным правительством в начале 1917 г. обязательной исповеди и причастия в армии причащаться продолжило не более 10 % военнослужащих³¹.

Бесчинства и убийства священнослужителей бандитствующими элементами началось в 1917 г. еще до прихода к власти большевиков. К началу же 1920-х гг. Православная церковь подошла серьезно ослабленной Гражданской войной, гонениями на верующих, эмиграцией. К 1924 г. на территориях, где установилась советская власть, погиб 21 епископ, умерло 59, потеряли свободу 66 архиереев. По другим данным, в этот же период погибло до 15 тыс. представителей клира и монашества. Известный историк церкви Д. Пospelовский приводит данные о том, что во время кампании по конфискации церковных ценностей 1922 г. было расстреляно или погибло в столкновениях по защите святынь свыше 8 тыс. человек, из них 2691 представитель «белого» духовенства, 1962 монаха, 3447 монахинь и послушниц³².

Гибель православного клира носила поистине мученический характер. «24 декабря 1918 года епископов Феофана Соликамского и Андроника Пермского заморозили в проруби. В Свяже епископа Амвросия замучили, привязав к хвосту лошади. Епископа Исидора Самарского посадили на кол, епископа Никодима Белгородского забили железным прутком, епископа Ревельского Платона, обливая водой на морозе, превратили в ледяной столб. В январе 1919 года был повешен на царских воротах церкви архиепископ Воронежский Тихон, и вместе с ним замучено 160 иереев. Такая же участь ожидала и простых священнослужителей. В Богодухове Харьковской губернии монахинь бросили в яму и похоронили живьем, в Херсонской губернии трех священников распяли...»³³

Сам патриарх Тихон подвергался аресту и допросам во внутренней тюрьме ГПУ. Под угрозой применения санкций, вплоть до высшей меры наказания, первосвященник РПЦ 16 июня 1923 г. выступил с ходатайством в Верховный Суд РСФСР об изменении принятой в отношении него меры пресечения и выражал раскаяние в «поступках против государственного строя»: «Признавая правильность решения Суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, то есть освободить меня из-под стражи... При этом заявляю Верховному Суду, что я отныне советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции».

Но и это не спасло патриарха от дальнейшей «разработки». По указанию Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) с начала 1925 г. под руководством начальника 6-го отделения

³¹ Подробнее об этих процессах см.: *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь в XX веке... С. 45–63.

³² *Рубльова Н.* Репресії проти «церковників» і «сектантів» в УРСР. 1917–1939 рр. // З архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. 2007. № 1. С. 207.

³³ *Анисимов В.* О «положительном заряде» предательства. К 80-летию собора УАПЦ [электронный ресурс: <http://www.pip.kiev.ua>].

(оперативная работа против религиозных объединений) Секретного отдела (СО) ГПУ Евгения Тучкова началась разработка «Дела шпионской организации церковников», которую, по замыслу чекистов, возглавлял патриарх Тихон.

Ему планировали вменить в вину «сношение с иностранными государствами или их отдельными представителями с целью склонения их к вооруженному вмешательству в дела Республики, объявлению ей войны или организации военной экспедиции», что влекло высшую меру наказания с конфискацией имущества.

Имеются свидетельства, что именно настойчивые требования СО ГПУ к патриарху подписать разработанный чекистами документ (известный как «Завещание» патриарха Тихона и существующий в нескольких редакциях, в том числе с правками Е. Тучкова), переданный через митрополита Крутицкого Петра (Полянского, будущего Местоблюстителя Патриаршего престола, после 12 лет ссылки расстрелянного в октябре 1937 г.) привели к резкому ухудшению здоровья и ускорили смерть владыки.

Как считают исследователи, «множество фактов свидетельствует о том, что незадолго до своей смерти... патриарх отверг очередной вариант послания, предложенный ему Е. Тучковым, который 15 апреля с небольшими изменениями был опубликован в качестве подлинного послания патриарха». Впрочем, Е. Тучков не раз прибегал к публикации подложных документов, когда уже не было возможности добиться подписи патриарха³⁴.

Борьба с церковью – приоритет ведомства Дзержинского

После Гражданской войны преследования приняли целенаправленный характер государственной политики – РПЦ считалась «контрреволюционной силой», важнейшим политическим и идеологическим конкурентом, подлежала постепенной ликвидации с применением организационных мероприятий по отделению церкви от государства, физических репрессий, мощной пропагандистской дискредитации, подрывных агентурно-оперативных мероприятий спецслужбы (ВЧК – ОГПУ).

Уже в декабре 1920 г. Ф. Дзержинский писал создателю Всеукраинской ЧК Мартину Лацису: «Церковь разваливается, этому надо помочь, но никоим образом не возрождать в обновленной форме. Церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Лавировать может только ВЧК для единственной цели – разложения попов»³⁵.

12 марта 1922 г. «демон революции» Л. Троцкий направил в политбюро ЦК РКП(б) секретную записку с предложением внести раскол в ряды духовенства, беря «под защиту» власти ставших управляемыми священников. Спротивление духовенства и мирян изъятию церковных ценностей подтолкнуло 19 марта 1922 г. председателя Совнаркома В. Ленина к составлению секретного письма, направленного против «влиятельнейшей группы черносотенного духовенства». На заседании политбюро ЦК РКП (б) 22 марта 1922 г. по предложению В. Ленина приняли план наркомвоенмора Льва Троцкого по разгрому церковной организации.

План предусматривал арест Синода и патриарха, атаку на церковь в печати в «бешеном тоне», энергичное изъятие церковных ценностей. В Украине лишь из храмов Харькова до 1 мая 1922 г. изъяли свыше 58 пудов серебра и 20 фунтов золота³⁶. В марте же начались допросы

³⁴ Дело патриарха Тихона // Отечественные архивы. 1993. № 6; Сафонов Д. В последние месяцы жизни святителя Тихона против него готовился новый судебный процесс [электронный ресурс: <http://www.pravoslavie.ru>]; Сафонов Д. К проблеме подлинности «Завещательного послания» патриарха Тихона [электронный ресурс: <http://www.pravoslavie.ru>].

³⁵ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925. М.; Новосибирск: РОССПЭН, Сибирский хронограф, 1997. Кн. 1. С. 9.

³⁶ О ходе этого варварского процесса в Украине см. подробнее: *Бабенко Л. Участь органів ВЧК – ГПУ у вилученні церковних цінностей на початку 1920-х рр. // З архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. 2004. № 1–2. С. 410–428; Верига В. Конфіскація церковних цінностей в Україні в 1922 р. Нью-Йорк; Торонто, 1996.*

патриарха Тихона в ГПУ на Лубянке – правительство официально «требовало от гражданина Белавина... определения своего отношения к контрреволюционному заговору, во главе коего стоит подчиненная ему иерархия».

Борьбу с православием официально отнесли к приоритетным задачам органов госбезопасности. «Церковников, сектантов и религиозный актив» поставили на специальный оперативный учет в органах ЧК – ГПУ, с 1920 г. в Украине чекисты «завели дислокацию во всех губерниях Украины церковей, синагог, молитвенных домов, мечетей». Как наставлял ЦК КП(б)У, органы ГПУ обязаны были «обеспечить полное информирование обо всем, что происходит в среде духовенства, верующих», вести пропагандистскую работу, запугивать духовенство³⁷.

Чекисты-«религиоведы» действовали напористо, их представитель обязательно входил в состав комиссий по вскрытию и «исследованию» святых мощей, тем более что эти богохульные акции (как, например, вскрытие раки с мощами святителя Феодосия Черниговского (февраль 1921 г.)) «оказались крайне неудачными», «настроение масс напряженное», «тело было цело», а «врачебная комиссия вынесла тенденциозное постановление» (то есть не выгодное властям)³⁸.

Один из циркуляров спецслужбы цинично наставлял сражаться между собой «разные направления, течения, секты, церкви, верования», добиваться взаимной борьбы и дискредитации в стане православия, «чтобы враги топили друг друга»³⁹. Уже 23 июля 1921 г. в Обращении к верующим Украины патриарх Тихон отмечал: «Враги векового единения православных украинцев со всей Русской православной церковью произвели рознь и вражду, ...сказавшуюся в нарушении церковной дисциплины и самовольном насильственном введении в некоторых храмах богослужения на украинском языке»⁴⁰.

В 1922 г. начальник 6-го отделения (антирелигиозного) Секретно-политического отдела ОГПУ СССР Евгений Тучков отмечал немалые успехи коллег по понижению авторитета (дискредитации) «служителей культа», ибо «отсюда вырастает атеизм»⁴¹.

Мастера расколов

К середине 1920-х гг. в Советской Украине действовали свыше 30 религиозных конфессий и течений. Среди них выделялись:

1. *Каноническая Русская православная церковь*, Поместный собор которой 29 мая 1918 г. даровал автономный статус Украинской православной церкви при сохранении ею юрисдикционной связи с Русской матерью-церковью. Одновременно в Украине появилось «альтернативное» движение за украинизацию Православной церкви в Украине и обретение ею автокефалии. Так, на Полтавском епархиальном съезде 3–6 мая 1917 г. был представлен подготовленный Феофилом Булдовским доклад «Об украинизации церкви».

Съезд принял резолюцию, излагавшую программу переустройства церкви в Украине и пробуждения национального сознания в церковной среде: введение украинского языка в качестве богослужебного; возрождение в богослужебной практике древних чинов, обрядов и обычаев, ранее существовавших на Украине; строительство храмов в национальном стиле; украи-

³⁷ *Ченцов В.В.* Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. Тернопіль, 1999. С. 233; Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 995. Л. 1.

³⁸ Радянська влада та православна церква на Чернігівщині у 1919–1930 рр.: зб. документів і матеріалів. Чернігів, 2010. С. 308–310.

³⁹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 748. Л. 61.

⁴⁰ *Рыжкова Л.П.* Биографические сведения о братии Киево-Печерской лавры, пострадавшей за Православную веру в XX столетии. К.: Типография Киево-Печерской лавры; Феникс, 2008. С. 39.

⁴¹ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925. Кн. 2. С. 360.

низация Киевской духовной академии и других духовных школ на территории Украины; запрет на поставление великороссов на епископские кафедры Украины.

К 1 апреля 1927 г. 117 епископов Русской православной церкви находились в различных местах заключения или ссылки. Лишь в 1918–1931 гг. в СССР закрыли свыше 10 тыс. храмов⁴². Однако, несмотря на гонения и расколы, отмечал СО ГПУ, тихоновщина «остается крепко спаянной, материально сильной, как и раньше», «весь религиозно-сознательный элемент – на их стороне». В 1925 г. РПЦ имела в Украине 6453 прихода и 4 819 627 верующих⁴³.

Внося расколы в православие, оказывая давление на первоиерархов РПЦ с целью добиться от них подчеркнуто лояльных заявлений по отношению к власти, чекисты тут же принимались за разработку и репрессирование оппозиционных течений в РПЦ, возникших на почве протеста против «соглашательской» позиции «сергиевцев».

2. *Обновленческая («Живая») церковь*, возникшая в 1922 г. в результате раскола РПЦ и при активном содействии органов госбезопасности, выступала за возврат к «апостольскому христианству», активное участие верующих в церковной жизни, против безбрачия епископата и «засилья монашествующих», упрощение богослужения, его ведение на национальных языках, ликвидацию монастырей и «социальное христианство».

Хотя Поместный собор РПЦ запретил обновленческие группы, а лидер «Живой церкви» В. Красницкий стал на путь примирения с патриархом Тихоном, это раскольническое движение продолжало пользоваться поддержкой властей и ГПУ, выступало и в Украине главным раскольническим инструментом (что не спасло его от репрессий в 1930-х гг.).

Созданный в мае 1925 г. Синод обновленцев в Украине ежемесячно получал от ГПУ 400 рублей. Укрепление обновленчества, по замыслу чекистов, позволяло оттягивать на борьбу с ним силы как РПЦ, так и УАПЦ. Помощь властей позволила обновленцам иметь к 1925 г. в УССР 1497 приходов и 921 тыс. верных⁴⁴.

3. *Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ)*, оформившаяся в октябре 1921 г. на Первом Всеукраинском Православном соборе УАПЦ, представляла собой проявление ереси филетеизма (осужденной в 1871 г.), ставившей в церковной жизни политические, национальные и иные мирские мотивы выше канонической жизни церкви по апостольской традиции. Брала начало от Всеукраинской православной церковной рады (ВПЦР) 1917–1919 гг., координационного органа автокефального движения, который возглавляли М. Мороз и его заместитель, протоиерей Василий Липковский.

Последний с 1917 г. стал одним из лидеров движения за образование УАПЦ. 22 мая 1919 г. отслужил первую литургию на украинском языке в когда-то построенном гетманом Иваном Мазепой Никольском соборе. В августе 1919 г. митрополит Антоний (Храповицкий) ввел запрет на служение всем клирикам, связанным с автокефалами. Иерархи РПЦ дважды запрещали В. Липковского в служении. Епископат УАПЦ, рукоположенный из «белого» духовенства, и рукоположенные ими безблагодатные иереи получили в народе название «самосвятов».

Деятели автокефалии публично (и лицемерно) всячески подчеркивали свое «революционное родство» с советской властью, прямо призывая к расправе с канонической церковью. Особенно не давали покоя «самосвятам» монастыри: «В связи с тем, что все монастыри на Украине пребывают в руках слуг старого режима и, как гнезда контрреволюции, вредят делу духовного развития украинской людности и возрождению ее церкви, просить всеукраинскую православную Церковную раду принять все меры перед советской властью о передаче всех

⁴² Забегайло О.Н. Духовное понимание истории. М.: Серебряные нити, 2009. С. 444.

⁴³ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 12; Д. 2006. Л. 83.

⁴⁴ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 4; Д. 2006. Л. 83; Жилюк С. «Нова церква». Обновленські ідеї і програми церковного реформування 20-х років ХХ ст. // Людина і світ. 2004. № 6. С. 44–48.

монастырей и принадлежащего им имущества в распоряжение всеукраинской православной Церковной рады как народного церковно-революционного органа».

По словам исследователя истории церкви, доктора исторических наук Аллы Киридон, «украинское церковное движение пробудили национализм, церковный радикализм и общий общественно-политический подъем. Это движение проэцировало украинский национализм на церковно-религиозную сферу...»⁴⁵ По сути, это был и политический вызов режиму – среди клира и активистов УАПЦ велика была прослойка активных участников Украинской революции и государственности 1917–1921 гг. Уже в конце 1924 г. глава ГПУ УССР В. Балицкий отдал распоряжение «очистить липковские ряды от враждебного советской власти элемента».

Предводитель Украинской автокефальной православной церкви Василий Липковский

В циркулярном письме Секретного отдела ГПУ УССР «Об украинской общественности» (30 марта 1926 г.) содержались четкие формулировки в отношении УАПЦ: активисты украинского национального движения видят в этой конфессии «не цель, а средство, и через церковь автокефалисты пытаются восстановить то, что им не удалось провести путем политической и военной борьбы». Приводились высказывания «епископов» и клириков УАПЦ: «... Украинцы не должны надеяться на большую помощь из-за кордона, а должны агитационным путем, через автокефальную церковь, вести украинский народ к самостийной Украине, все время быть наготове для поднятия народного духа, так как украинский народ может выступить за создание самостийной Украины». Циркуляр от 4 сентября 1926 г. «Об украинском сепаратизме» объявлял «Украинскую автокефальную церковь могучим оплотом национализма и отличным агитационным орудием»⁴⁶.

25 февраля 1926 г. политбюро ЦК КП(б)У на закрытом заседании одобрило решение о репрессиях против активистов УАПЦ. По данным ГПУ УССР, 214 священников УАПЦ были в прошлом военнослужащими армии УНР, 55 – членами украинских национальных партий, 46 – бывшими царскими офицерами, 22 – белогвардейцами, 17 – жандармами и полицейскими. К февралю 1926 г., по мнению ГПУ, 59 % клира УАПЦ (331 человек) находились на «враждебных позициях», а 70 % приходов ведут политическую агитацию⁴⁷.

В 1925 г. в УССР насчитывалось 989 приходов УАПЦ (680 тыс. прихожан). После отстранения (по указанию ГПУ и через ее агентуру в УАПЦ) В. Липковского и его сторонников от руководства УАПЦ на ее Втором Всеукраинском Церковном соборе в октябре 1927 г. верхушка

⁴⁵ Киридон А.М. «Щоб вороги топили один одного...». Про причини церковних розколів у Радянській Україні 1920-х років // Людина і світ. 2004. № 6. С. 27.

⁴⁶ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 445. Л. 29, 40.

⁴⁷ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 2; Політичний терор і тероризм в Україні. XIX – XX ст. Історичні нариси. К.: Наукова думка, 2002. С. 305.

автокефалов стала полностью подконтрольна чекистам, УАПЦ объединилась с собственными же раскольниками из ДХЦ (см. ниже).

29–30 января 1930 г. 40 «епископов» на Чрезвычайном съезде объявили о роспуске УАПЦ за «контрреволюционную деятельность», объявив заодно В. Липковского «иудохристо-продавцем». «Митрополит» доживал оставшиеся до расстрела годы в пригороде Киева, в бедности, под постоянным надзором ГПУ – НКВД, писал «Історію Української церкви» и проповеди, переписывался с украинскими церковными деятелями за границей, делал украинские переводы богослужебной литературы, совершенствовал церковный устав⁴⁸.

4. *Действительно-Христова церковь (ДХЦ)*, образовавшаяся в 1924 г. путем отделения от УАПЦ (в результате оперативной комбинации ГПУ) амбициозного М. Мороза и нескольких епископов-«самосвятков». Съезд ДХЦ 20–22 октября 1925 г. проходил под контролем ГПУ. Сама организация, отмечали чекисты, «находится целиком под руководством органов ГПУ».

5. *Соборно-Епископская церковь* митрополита Феофила (Булдовского) (1925–1936 гг., приняла наименование «Братское объединение парафий Украинской автокефальной православной церкви», БОПУПАЦ), возникшая также при вмешательстве органов ГПУ путем отделения от канонической РПЦ («лубенский раскол»).

Дело в том, что с января 1925 г. ГПУ повело «обработку тихоновского епископата» для создания новой группировки для «борьбы с тихоновщиной и липковщиной». К июню 1925 г. С. Карин с товарищами подготовили трех епископов («инициативную группу») и создали «собор» в Лубнах (в нем приняли участие лишь 5 из 27 архиереев РПЦ в Украине)⁴⁹.

Раскольнические действия епископа Феофила вызвали резкую отповедь со стороны Священноначалия. Экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков) созвал собор архиереев для суда над Феофилом (Булдовским), который, однако, отказался явиться на его заседания. Суд, в котором приняли участие 13 епископов, проходил заочно в декабре 1924 г. Булдовский и другие деятели «Лубенского раскола» 25 декабря 1924 г. были извержены из сана и отлучены от церкви. Тем не менее Феофил (Булдовский) и его единомышленники не вняли призыву архиерейского суда и продолжали свою антицерковную деятельность.

Феофил самочинно объявил себя «митрополитом». В конце 1925 г. Полтавским архиепископом Григорием (Лисовским) и викарием Полтавской епархии Прилукским епископом Василием (Зеленцовым) было подготовлено Определение о «главарях лубенского раскола», подписанное 13 украинскими православными архиереями. В Определении лидеры «булдовщины» объявлялись лишенными сана и отлученными от церкви. Определение было утверждено заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским).

Впоследствии власти советской Украины, убедившись в слабой эффективности «лубенского» и прочих расколов в борьбе с канонической Православной церковью, перешли к политике борьбы с этими раскольничьими сообществами. В результате антицерковных репрессий число приходов, состоящих под началом Феофила (Булдовского), в 1930-х гг. резко сократилось. Если в 1925 г. имелось 49 приходов БОПУПАЦ (45 тыс. прихожан), то в 1937 г. в Луганске закрыли последний храм «лубенцев».

6. *Украинская православная церковь* (1930–1936 гг.) митрополита Иоанна (Павловского), объединившая остатки УАПЦ после ее самороспуска (с подачи чекистов) и разгрома.

Кроме того, в Советской Украине к 1926 г. насчитывалось 317 приходов Римско-католической церкви (116 тыс. прихожан, также служивших объектом активной оперативной разработки ГПУ), 1242 иудейские общины (434 тыс. верующих), лютеран – 38,4 тыс., евангельских христиан – 67,5 тыс., баптистов – 33,2 тыс., адвентистов – 3,3 тыс., меннонитов – 42,8 тыс. В

⁴⁸ Комплекс документов советской спецслужбы о разработке УАПЦ опубликован в журнале «3 архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ». 2005. № 1–2; 2006. № 1–2; см. также: *Преловська І.* Переслідування та ліквідація УАПЦ (УПЦ) (1921–1938): огляд архівно-кримінальних справ ГДА СБУ та ЦДАГО України // 3 архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. 2009. № 1. С. 26–48.

⁴⁹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2318. Л. 2.

мистических сектах (скопцы, малеванцы, хлысты и др.) состояло свыше 64 тыс. человек. По мнению Секретного отдела ГПУ, где трудился С. Карин-Даниленко, всего в УССР к верующим относилось 40,4 % населения⁵⁰.

Как резали живое тело Христа

К приходу С. Карина-Даниленко в СО ГПУ украинские чекисты уже доложили в ЦК КП(б)У о «полном успехе» проведенной работы по расколу Православной церкви, что приближало конечную цель – «окончательное разложение духовенства и полный раскол церкви»⁵¹.

Перед 3-й группой Секретного отдела СОЧ ГПУ УССР, куда определили Карина, стояла задача (как говорится в материалах личного дела) «борьбы с контрреволюционными проявлениями в религиозных группировках». Участок называли весьма сложным, так как репрессивные методы к клиру применялись (пока еще) «с соблюдением максимальной осторожности» во исполнение «ответственной партийной директивы». Перед ГПУ ставилась «задача негласного (то есть агентурного. – *Прим. авт.*) захвата в свои руки религиозных объединений. Работа этих организаций находится под нашим плотным (но негласным) влиянием».

Главным противником считалась Русская православная церковь. К 1925 г. в Советской Украине действовало восемь наиболее многочисленных епархий РПЦ во главе с Патриаршим экзархом Украины (с мая 1921 г.) митрополитом Киевским Михаилом. Функционировало 6453 прихода (около 4 млн 820 тыс. прихожан) канонической РПЦ, которую еще называли «старославянской», или «тихоновской», за верностью Патриарху Московскому и всея Руси Тихону⁵².

«Крепким орешком» считалась Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ, «липковщина», по имени ее лидера «митрополита» Василия Липковского). Она характеризовалась чекистами как «весьма разветвленная и сильная шовинистическая группировка, проводящая вреднейшую работу в крестьянских массах». УАПЦ, утверждало ГПУ, «совершенно открыто проводит в религиозной форме национал-шовинистическую кампанию с ярко выраженным антисоветским уклоном».

Главным же оружием безбожной власти и спецслужб стало инспирирование многочисленных церковных расколов, нестроений и простого стравливания иерархов РПЦ, противопоставления канонической РПЦ автокефальной церкви. Поскольку «тихоновцы» ведут антисоветскую агитацию в «монархическом направлении», обвиняют власть в притеснениях церкви, подчеркивали чекисты, необходимо основные усилия сосредоточить на разложении РПЦ и УАПЦ и «укреплении за их счет обновленчества».

Напомним, что обновленческий раскол РПЦ, оформившийся при активном содействии ЧК в 1922 г., в Украине принял форму Синодально-обновленческой церкви. В 1925 г. ГПУ «даровало» ей «автокефалию» для углубления противостояния РПЦ, насчитывалось 1497 общин обновленцев с 921 тыс. прихожан. Давление властей привело к тому, что в столичном Харькове обновленцы имели 26 храмов, а каноническая РПЦ – один⁵³.

Особой заслугой С. Карина-Даниленко считались достижения контроля и последующего простимулированного чекистами самороспуска УАПЦ. Сводка ГПУ № 37/47 за время с 11 по 18 сентября 1927 г. отмечала: «...В октябре в г. Киеве должен состояться Всеукраинский Покровский собор УАПЦ, ...органами ГПУ поставлена серьезная задача добиться на Покровском съезде переизбрания митрополита, заменив ЛИПКОВСКОГО более приемлемым для нас

⁵⁰ Рубльова Н. Невідома ділянка «антирелігійного фронту»: боротьба владних структур УССР проти римсько-католицької церкви, 1920-ті роки // З архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. 1998. № 1–2. С. 228–243; ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2006. Л. 83.

⁵¹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1450. Л. 1.

⁵² ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2006. Л. 83.

⁵³ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 17; Д. 2006. Л. 83.

кандидатом». «В этой группировке удалось – без применения репрессий – добиться от собора добровольного удаления всех столпов контрреволюции, в том числе самого Липковского», – отмечали впоследствии начальники Карина⁵⁴.

Контрразведчик прекрасно разбирался в явных и тайных сторонах натуры епископов-«самосвяттов», давая им в отчетах для ЦК лаконичные и уничижительные характеристики. Так, В. Липковский предстает «куркулем по природе», «обыкновенным авантюристом, для которого удовлетворение своих мелких житейских потреб и непомерного честолюбия является альфой и омегой всех его начинаний, ...завтра может быть и врагом Украины, если это может быть полезным для его кармана». Председатель ВПЦР Василий Потиевко – «работает не как религиозный человек, а как украинский шовинист». «Епископ» Нестор (Шараевский) – «любит Малороссию за хороший борщ, колбасу и чудесные песни». Александр (Ярещенко) – «более атеистичен, чем религиозен», «для него церковь не цель, а средство для объединения “самостийных” сил Украины». Юрий (Жевеченко) – просто «атеист» и т. д.⁵⁵

Заметным называли и вклад Карина в «разложение тихоновской церкви» в 1923–1931 гг.⁵⁶ Сергей Тарасович, наряду с председателем ГПУ УССР В. Балицким, К. Карлсоном и В. Горожаниным, входил в состав Всеукраинской антирелигиозной комиссии (ВАК). Сотрудничал с НКВД УССР, где работал отдел по отделению церкви от государства, эксперт которого Юрий Любинский отличался большой продуктивностью по части составления доносов в ГПУ, прибывавших затем к уголовным делам на активных функционеров УАПЦ⁵⁷.

Разумеется, по автокефалам продолжалась агентурная работа, наиболее «антисоветски настроенные» высылались за пределы Украины. Нередко санкции по отношению к верхушке автокефалистов принимались совместными решениями ВАК при ЦК КП(б)У. Как и в случае с непокорным священством РПЦ, СО ГПУ (согласовав с ВАК) подавал Особому совещанию ГПУ (внесудебный карательный орган) представление на высылку тех или иных активистов УАПЦ за пределы УССР с содержанием в лагерях, поскольку их «дальнейшее пребывание может привести к срыву нашей работы по автокефалам». С. Карин принимал непосредственное участие в оперативной разработке автокефалов, включая и пребывание их в местах предварительного заключения (ДОПРах).

Постепенно сформировался комплекс оперативных методов, применявшийся органами ГПУ для разложения церковной организации:

- использование самого духовенства для постановки под контроль управления церковной жизнью (в том числе через вербовку и негласное сотрудничество) под угрозой преследований и репрессий;
- учет и оперативное использование особенностей характера отдельных епископов и иереев, разногласий в церковной среде, гордыни (через поощрения материального и карьерного характера);
- постановка в материальную зависимость (как отмечали чекистские документы, «надеяться на доброжелательное отношение к советской власти нельзя», поэтому священников надлежит связывать деньгами и другой заинтересованностью – «будет вечный раб ЧК»);
- запугивание слабохарактерных лагерями и тюрьмами⁵⁸.

В служебных документах отмечалось, что Карин «тяготится работой по линии «Д» (то есть духовенства, видимо, тянулся к «чистой» контрразведывательной деятельности). Тем не менее фактический руководитель «3-й группы» (антирелигиозной) работал против «церков-

⁵⁴ ГПУ против УАПЦ. Методология уничтожения [электронный ресурс: <http://www.religion.in.ua>].

⁵⁵ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 42–44.

⁵⁶ ОГА СБУ. Ф. 12. Д. 5037. Т. 3. Л. 78 об.

⁵⁷ См.: 3 архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. 2007. № 1. С. 16–17.

⁵⁸ *Бабенко Л.* Застосування методів спецслужб у процесі ліквідації української автокефальної православної церкви (20-ті роки ХХ ст.) // Науковий вісник Чернівецького університету. 2004. Вип. 229–230. С. 43.

ной контрреволюции», в прямом смысле слова, на износ – страдавшему «активным туберкулезом обеих легких» чекисту предписывали лечиться в санатории буквально в приказном порядке. Добавились и заботы о семье – 1 сентября 1925 г. у него родилась дочь Ирина.

Агентурно-оперативная работа получила весьма высокую (граничащую с восторженной) оценку в служебных аттестациях, благо их еще не писали дубово-казенными штампами.

«Самый лучший» борец с церковью

1 января 1926 г. В. Горожанин так аттестовал подчиненного: «...Уполномоченный группы по духовенству... Из очень немногих работников-чекистов, специалистов по духовным делам, по-видимому, самый лучший. Провел очень тонкую и сложную работу по укреплению обновленчества (Это не опечатка. – *Прим. авт.*) на Украине. Незаменимые его качества – умение разговаривать с попами и способность к вербовке... Незаменимый специалист в порученной ему области. Горизонт в работе большой и глубокий»⁵⁹. В характеристике за 1929–1930 гг. указывалось, что Карин «имеет большие заслуги по борьбе с церковной контрреволюцией на Украине».

Начальники не жалели эпитетов для похвалы: «В работе тов. Карина много образцов агентурного совершенства. Был случай, когда в Киев съехалось на совещание около 30 епископов, известных своей контрреволюционной деятельностью. В течение нескольких дней епископы были настолько обработаны, что стали беспрекословно выполнять директивы ГПУ» (видимо, речь шла о съезде епископов-«самосвятов» Украинской автокефальной православной церкви)⁶⁰.

Отметим, что агентурная работа «по церковникам» велась планомерно и с размахом. Судя по смете на первое полугодие 1926 г., в ГПУ по РПЦ и «обновленцам» «работало» по 84 секретных сотрудника («сексота», то есть тех, кто негласно принимал участие в активных оперативных мероприятиях и разработках), 66 – по УАПЦ, 36 – по «Собору епископов», 24 – по ДХЦ, 84 – по протестантским конфессиям (всего по УССР – 378 с месячным окладом 20 рублей каждому). На каждый католический костел полагалось по два сексота. Более того, в руководящих звеньях конфессий вербовались платные осведомители. Наибольшую мзду полагалось отколовшимся (по воле ГПУ) от УАПЦ деятелям Действительно-Христианской церкви (ДХЦ) – «единственным их стимулом могут быть деньги», – честно отмечала 3-я группа. Всего ГПУ просило выделить по «церковной линии» на указанный период 81 540 рублей⁶¹.

В результате, констатировало ГПУ, удастся «руководить» основными конфессиями, кроме УАПЦ (где «агентура только информирует нас о нелегальных мероприятиях»), в остальных же религиозных течениях верхушка «не только выполняет указанные функции, но и делает по нашему указанию церковную политику».

Фамилия «Карин» нередко встречается в воспоминаниях выживших церковных деятелей того времени в контексте плетущихся ГПУ интриг и подготовки очередных нестроений в таком духе: «...Архиепископ Георгий стал обвинять епископа Макария и епископа Сергия и других в неправильной линии поведения, говорить о каком-то предательстве и даже послал в Москву... с секретным письмом к митрополиту Михаилу (Ермакову), стремясь возбудить недоверие экзарха к ближайшим и проверенным сподвижникам. Он уговаривал “приехать в Киев и здесь на месте решить все дела”, загадочно намекая на какие-то обещания сотрудника ГПУ Карина». О нем как о «главном уполномоченном Харьковского ГПУ по религиозным делам» говорили и в связи с инспирацией соборов УАПЦ⁶².

⁵⁹ ОГА СБУ. Ф. 12. Д. 5037. Т. 1. Л. 23–24.

⁶⁰ ОГА СБУ. Ф. 12. Д. 5037. Т. 3 Л. 78 об.

⁶¹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 40–41.

⁶² *Доненко Николай, протоиерей.* Макарий Кармазин [электронный ресурс: <http://krotov.info>]. // «Наследники Царства». Симферополь, 2000.

К началу 1930-х гг. органы госбезопасности в целом посчитали реализованной свою стратегию агентурно-оперативного подрыва (раскола) православия. Наряду с канонической РПЦ существовали и раскольнические течения, и «катакомбная» Истинно-Православная церковь. Во многом РПЦ спасли кротость, смирение и дальновидность заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола (с 1937 г. – местоблюстителя), будущего патриарха, митрополита Сергия (Страгородского, 1867–1944).

Еще 29 июля 1927 г. владыка Сергий издал «Послание православным архипастырям, пастырям и пасомым Московского патриархата», в котором говорилось, что «мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и Правительством».

«Нам нужно не на словах, а на деле, – подчеркивал владыка Сергий, – показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом.

Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный на Союз, будь-то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза “не только из страха, но и по совести”, как учил нас Апостол (Рим. 13, 5)»⁶³.

Однако и это не убергло РПЦ от будущих акций по физическому репрессированию ее духовенства.

Как отработанный материал

Печально сложилась судьба УАПЦ и ее лидеров. На рубеже 1920–1930-х гг. активизируются и ужесточаются репрессии против ставших политически и оперативно ненужных «самосвятов». По некоторым данным, всего жертвами репрессии стали 34 епископа и до 2000 служителей УАПЦ⁶⁴.

27 ноября 1937 г. после недолгого следствия, на основании «показаний» других лиц, был расстрелян первый «митрополит» УАПЦ Василий Липковский. Идеологом автокефалии Украинской православной церкви выступал Владимир Чеховский (премьер-министр и министр иностранных дел Украинской Народной Республики в декабре 1918 – апреле 1919 г.), который с октября 1921 г. возглавлял Идеологическую комиссию (!) УАПЦ (вряд ли случайно, что незадолго до этого Следственная комиссия при Совете народных комиссаров УССР «полностью реабилитировала» его от обвинений в «петлюровщине»).

Однако и это оказалось фарсом: в 1922–1924 гг. отстранили от преподавания в Киевском мединституте, политехникуме, работы в Сельскохозяйственном научном комитете. Бывший премьер перебивался переводами, жена переписывала бумаги, в 1923 г. после тяжелой болезни умерла единственная дочь Люба... К тому же С. Карин обложил «украинского шовиниста» агентурой, отмечавшей: «Держался уверенно, спокойно, импозантно и не считал себя погибшим, приобрел большой авторитет и любовь, за него станут горой».

Именно В. Чеховский стал председателем подконтрольного ГПУ 2-го Всеукраинского православного церковного собора УАПЦ в 1927 г. Дождавшись исполнения этой роли, в сентябре 1928 г. чекисты запретили ему заниматься любой церковной деятельностью.

⁶³ [Электронный ресурс: <http://www.eshatologia.org>].

⁶⁴ *Ротальний В.* Митрополит-мученик // *Голос України.* 1992. 19 червня.

Вновь арестовали идеолога автокефального раскола 17 июля 1929 г. Допросы его вели все тот же В. Горожанин и начальник отделения СО ГПУ УССР Борис Козельский (Бернард Голованевский, «специалист» по украинскому повстанчеству и «контрреволюционным партиям», застрелившийся 2 января 1936 г. в служебном кабинете в предчувствии неминуемого ареста; руководителем подразделений глава НКВД УССР Всеволод Балицкий объявил, что коллега ушел из жизни по причине «нервного истощения на почве беспощадной борьбы с контрреволюцией», а также страдая от сифилиса)⁶⁵.

В. Чеховскому отвели одну из главных ролей сфабрикованного ОГПУ судебного процесса над несуществующей «Спилкой освобождения Украины» (СВУ), чекисты-сценаристы избрали его на роль «заместителя председателя Президиума» СВУ, «ответственным за работу среди “автокефальных кругов”». Сломав подследственного психологически (оперработники тогда еще старались действовать «тонко»), направили его показания в нужное русло. Показания «обработанного» В. Чеховского помогли «религиоведам» из ГПУ провести одну из серьезных акций – созыв «чрезвычайного собора» УАПЦ 28–29 января 1930 г., который принял резолюцию о «связях УАПЦ с СВУ», «контрреволюционность» автокефалии и провозгласил самоликвидацию УАПЦ.

Самому В. Чеховскому по делу СВУ высшую меру наказания заменили 10 годами строгой изоляции, и Владимир Моисеевич оказался в Савватиевском политизоляторе близ страшной Секирной горы на Большом Соловецком острове.

Во время «чистки» лагерей в 1937 г. «тройка» Ленинградского УНКВД приговорила В. Чеховского к расстрелу. В ноябре того же года приговор привели в исполнение в карельском урочище Сандармох, где за неделю заместитель начальник Админхозуправления Ленинградского УНКВД капитан Михаил Матвеев и его подручный Ю. Алафер собственноручно расстреляли 1111 соловецких узников. В 1956 г. сестре Настасии Чеховской в ответ на обращение в МВД СССР сообщили «легендированную» версию: «...Чеховской В.М., отбывая наказание, умер в местах заключения 13 января 1940 г. от кровоизлияния в мозг».

Нельзя не отметить, что благодаря вездесущим информаторам ГПУ чекистские документы донесли до нас, что Господь и в эти драматические годы не оставлял Украину. В отчетах коллег С. Карина-Даниленко отмечалось, что только в 1925 г. в республике выявлено 17 случаев обновления икон, а осенью этого года в Киевском округе произошло «демидовское чудо» – явление Христа пастухам.

Именно к концу трагических 1920-х гг. относится одно из пророчеств преподобного Серафима Вырицкого: «Ныне пришло время покаяния и исповедничества. Самим Господом определено русскому народу наказание за грехи, и пока Сам Господь не помилует Россию, бессмысленно идти против Его святой воли. Мрачная ночь надолго покроет землю Русскую, много нас ждет впереди страданий и горестей. Поэтому Господь и научает нас: “терпением спасайте души ваши” (Лк. 21, 19)»⁶⁶.

В 1927 г., очевидно за успехи в сеянии расколов и нестроений в православии, свертывании автокефального движения, Коллегия ОГПУ СССР наградила богоборца именованным «маузером», а 1932 г. – знаком Почетного чекиста. Он возглавил 3-е отделение (антицерковное) в Секретном отделе ГПУ УССР (по должности став «главным религиоведом» ведомства В. Менжинского в Украине).

⁶⁵ Шаповал Ю.І., Пристайко В.І., Золотарьов В.А. ЧК – ГПУ – НКВД в Україні: особи, факти, документи. К.: Абрис, 1997. С. 63, 490–491.

⁶⁶ Бисер духовный. Великие подвижники XX века о спасении в современном мире. М.: Ковчег, 2010. С. 370.

Помощник резидента

Внеся раскол «тихоновцам» и «добив» УАПЦ, С. Карин-Даниленко в начале 1931 г. смог перейти на участок, знакомый ему с начала 1920-х, – во внешнюю разведку со специализацией по «украинской контрреволюционной эмиграции». В 1931–1933 гг. работал в Праге помощником резидента внешней разведки по «разработке украинской контрреволюционной эмиграции». Будучи помощником начальника Иностранного отдела НКВД УССР, принял участие в операции «Академия», закончившейся нейтрализацией двух террористов Российского общевойскового союза, прибывших в СССР для организации покушения против «вождей партии и советского правительства».

Сотрудник резидентуры внешней разведки Сергей Карин-Даниленко (начало 1930-х гг.)

Судя по материалам личного дела, период активной коллективизации чекист провел за рубежом – с января 1931 по июль 1933 г. находился в оперативной командировке по линии Иностранного отдела ОГПУ СССР в Праге со специализацией по «украинской контрреволюционной эмиграции». Видимо, глубокое знание чекистом украинского национального движения и его политических организаций в совокупности с недюжинным агентурно-оперативным опытом послужили причиной назначения его помощником резидента разведки ОГПУ по работе в среде украинской эмиграции – ведь именно Прага в Чехословакии в целом стала в межвоенный период основным политико-культурным и образовательным центром «второй волны» украинской эмиграции. В Чехословакии, при поддержке ее лидера Томаша Масарика, осело немало военнослужащих армии УНР, сотрудников госаппарата украинской несоветской государственности, национальной интеллигенции. Помогло ему и владение чешским и польским языками.

Резидентуру внешней разведки ОГПУ в Праге с 1931 г. возглавлял способный разведчик Станислав Глинский (служил в ВЧК с 1918 г., принимал участие в знаменитой оперативной игре «Трест» с белой эмиграцией, служил резидентом в Латвии). С. Глинский повел в Праге активную работу по проникновению в белогвардейские организации генерала Кутепова, добыл сведения о белоэмигрантских организациях – РОВС, «Галлиполийцы», «Крестьянская Россия». Усилиями резидентуры была добыта информация о том, что военные центры белой эмиграции не отказались от попыток новой военной интервенции. В частности, руководство РОВС рекомендовало своим членам в Праге, Варшаве, Софии, Париже, Берлине, Белграде и других европейских столицах готовить «тройки» и «пятерки» для проведения терактов против советских дипломатов и заброски диверсионных групп на территорию СССР.

Информация Глинского (за активную работу в Праге был награжден вторым орденом Красного Знамени) неизменно получала высокую оценку в Центре: среди чрезвычайно важных

упреждающих сведений можно назвать сообщения о планах Германии по захвату Судетской области, о расширении пронацистской пропаганды в Чехословакии. Сотрудникам его резидентуры удалось также проникнуть в Организацию украинских националистов (ОУН) и постоянно быть в курсе их террористических планов. Нетрудно предположить, что определенную роль здесь сыграл С. Карин.

9 декабря 1937 г. Станислава Глинского расстреляли по постановлению особой «тройки» (как «польского шпиона»), супругу Анну сослали на 10 лет в Карагандинские лагеря. В 1947 г. она возвратилась к родственникам в Москву, но была вновь сослана в Воркуту. По дороге скончалась и похоронена в безымянной могиле в воркутинской тундре. Всего же за период «Большого террора» 1937–1938 гг. расстреляли около 40 резидентов внешней разведки НКВД, не говоря уже о репрессировании значительного количества опытных оперативников-агентуристов, ценных агентов. Пражского шефа С. Карина 22 сентября 1956 г. посмертно реабилитировала Военная коллегия Верховного Суда СССР.

В этот период чекист принял личное участие в оперативной разработке «Академия», направленной против Российского общевоинского союза (РОВС). Созданный в 1924 г. в эмиграции главнокомандующим Русской армией генерал-лейтенантом П. Врангелем РОВС, на момент образования насчитывал до 100 тыс. военнослужащих с опытом Первой мировой и Гражданской войн, пылавших желанием взять реванш у Советов за поражение в 1917–1920 гг. Основным средством борьбы РОВС избрал террористическую и разведывательно-диверсионную деятельность (во взаимодействии со спецслужбами Англии, Франции, государств – западных соседей СССР), сопровождавшуюся покушениями на советских представителей за рубежом, заброской в СССР вооруженных групп и подготовкой терактов против руководителей ВКП(б) и Советского государства. С 1927 по середину 1930-х гг. на территории СССР было убито в перестрелках или захвачено около 100 эмигрантов РОВС и других белоэмигрантских организаций. Одним из очагов деятельности РОВС как раз и стала Чехословакия (ЧСР). В 1931 г. советская разведка получила информацию о планировании находящейся в ЧСР террористической группой РОВС генерала Хоржевского покушений на И. Сталина. Вероятно, именно этот сигнал и стал отправным для разворота дела «Академия».

К сожалению, нам не известны подробности этой операции. Однако в личном деле С. Карина-Даниленко констатируется, что результатом оперативных мероприятий стало задержание двух «крупных террористов РОВС», заброшенных в СССР для организации террористического акта против «вождей партии и советского правительства». Попутно отметим, что при всей вакханалии незаконных репрессий и фабрикаций дел «о терроризме» было бы неверно сбрасывать со счетов *реально* ведущуюся против СССР подрывную деятельность, активными участниками которой и стали подконтрольные западным спецслужбам боевые организации антисоветской эмиграции.

Видимо, С. Карин эффективно потрудился на ниве разведки – в 1932 г. его удостоили высшей ведомственной награды, знака Почетного чекиста, которым тогда не разбрасывались. В 1933–1934 гг. Карин-Даниленко занимал должность начальника 3-го отделения Особого отдела Украинского военного округа и ГПУ. О результативности его как разведчика свидетельствует и то, что со 2 мая 1934 г. по 9 января 1937 г. он получил назначение на должность помощника начальника Иностранного отдела НКВД УССР. Кроме того, в марте 1936 г. разведчику довелось выехать в оперативную командировку в Берлин.

Тюремная одиссея

В роковом для него 1937 г. Сергей Тарасович некоторое время проработал заместителем начальника 2-го отдела Управления государственной безопасности НКВД УССР, а затем 29 июля 1937 г. квалифицированный разведчик и контрразведчик неожиданно был переведен на

пост... начальника Управления пожарной охраны НКВД. По сути, это был кадровый отстойник перед незаслуженными преследованиями. 28 августа 1937 г. С. Карина арестовал НКВД УССР по подозрению в участии в «антисоветской украинской организации», его тут же исключили из ВКП(б), этапировали в Москву, где ему было суждено пройти все круги следственного ада. Всего же чекиста держали в Лефортово и Бутырках 26 месяцев – по обвинению в участии в так называемом заговоре В. Балицкого (репрессированного наркома внутренних дел Украины) и создании «антисоветской националистической организации» (действительно, горькая ирония судьбы!).

Бывшему начальнику Управления НКВД УССР следователь с порога заявил: «Нас не интересует, виноват ты или нет, но сейчас такая политическая обстановка, что раз ты арестован, значит, ты враг. Давай показания на себя и других. Иди и подумай, приступай к работе, иначе убьем...» На что контрразведчик ответил: «Лгать в этих стенах на себя и других я не буду и хочу умереть честным человеком». Уже после войны С. Карин вспоминал: «У меня хватило силы остаться честным до конца и не оклевать ни себя, ни других».

Дело в том, что на Карина-Даниленко дал ложные показания «польский шпион», заместитель начальника Разведывательного управления Народного комиссариата обороны СССР, старший майор госбезопасности Михаил Александровский. Под «мерами воздействия» Александровский, бывший начальник Особого отдела Украинского военного округа (УВО), оклеветал сослуживца из Украины, заявив, что Карин-де проник в органы НКВД по заданию националистического подполья для «предательской работы». Однако дело было не только в давлении на сломленного физически и морально высокопоставленного чекиста. Как пояснил арестованный ответственный сотрудник НКВД УССР, капитан госбезопасности Абрам Сапир (осужденный за нарушения законности уже в 1955 г. и умерший в местах лишения свободы), Карин имел «органическую неприязнь к Александровскому», критиковал его «помпадурство» на высоких постах в Украине (в частности, начальника Секретно-политического отдела ГПУ УССР). Оказавшись начальником Карина по особому отделу УВО и ГПУ, а затем и по контрразведке УГБ НКВД УССР, М. Александровский третировал имевшего свое профессиональное мнение коллегу, создавал ему «невыносимые условия работы».

Карина обвиняли в передаче по линии разведки «под видом дезинформации» «участникам контрреволюционной троцкистской шпионской организации» сведений о Красной армии, провале двух закордонных агентов НКВД. На очных ставках в Лефортово Карин себя виновным также не признавал, несмотря на «изобличения» таких же измороженных «визави». Оказавшись соседом по камере, М. Александровский «увещевал» Карина: «Дайте показания, не мучьте себя, все равно покалечат... Расстреляют все равно. Лучше дайте показания, пусть расстреляют нормально...», иначе – «вас уничтожат с жесточайшими муками». «Сотрудничество со следствием» Александровскому не помогло – 15 ноября 1937 г. его расстреляли (реабилитирован 24 декабря 1957 г.)⁶⁷.

Дело Карина-Даниленко дважды направляли в Военный трибунал войск НКВД Киевского округа, но каждый раз отклоняли за недоказанностью преступления. Действительно, период репрессий и сейчас недостаточно осмыслен. Даже вполне антисоветски настроенный известный французский историк Никола Верт вынужден признать: «массовые репрессии – настоящая охота на “врагов народа”, ... осуществлялись параллельно с утверждением социалистической законности».

К счастью для едва живого от пыток Сергея Тарасовича, маховик репрессий резко затормаживается. 22 августа 1938 г. первым заместителем главы НКВД СССР Николая Ежова назначили Лаврентия Берия. 15 ноября запрещается рассмотрение дел внесудебными органами –

⁶⁷ О деле Александровского и его «общении» с С. Кариним см.: Рубка кадрів // Веденеев Д., Шевченко С. Українські Соловки. К.: ТОВ «УВПК “ЕксОб”», 2001. С. 158–164.

«тройками». 17 ноября вышло постановление Совета народных комиссаров и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем признавались «крупнейшие недостатки и извращения», возникшие в силу «упрощенной процедуры следствия и суда». «Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы, – отмечалось в этом документе, – и так вошли во вкус упрощенного порядка следствия, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых “лимитов” на массовые аресты...»

27 ноября от поста наркома внутренних дел СССР освободили Н. Ежова. Если в 1937–1938 гг. в СССР приговорили к смерти 681 692 человека (в том числе в Украине – около 212 000), то в 1939–1940 гг. – 4201 «врага народа». Начался пересмотр дел, лишь за 1939 г. освободили свыше 327 тыс. граждан. В частности, во исполнение решения политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 г. освободили 12 860 осужденных – священнослужителей и иных «церковников», из-под стражи освободили еще 11 223 человека из этой же категории потенциальных жертв беззакония.

Сам Сергей Тарасович в мае 1939 г. обратился с письмом к Генеральному прокурору СССР, описав 11-месячные злключения в тюрьмах Москвы и Киева, где его обещали «бить до состояния куска мяса». Освободили Карина 22 октября 1939 г., дело прекратили за отсутствием состава преступления. Многомесячные издевательства в СИЗО и туберкулез привели к тому, что пришлось выйти на пенсию. Проведенной в октябре 1939 г. «тщательной проверкой» было установлено, что показания на Карина – целиком вымышленные, он оговорен рядом подследственных, включая М. Александровского, и не виновен в провалах закордонной агентуры. 29 октября дело прекратили за недоказанностью состава преступления (в партии его восстановили в 1944 г. с сохранением стажа с 1928 г.).

Вновь в строю

С началом войны пенсионер Карин-Даниленко написал рапорт с просьбой использовать его оперативный опыт, выразив готовность выполнить «любое задание против немецко-фашистских захватчиков». С октября 1941 г. он использовался НКВД – НКГБ «по выполнению оперативных заданий по организации партизанских отрядов и диверсионных групп, направленных в тыл противника». Стал одним из создателей и преподавателей специальной школы № 7 на Луганщине и в Саратове. Карин оказался способным организатором тайной борьбы за линией фронта: среди наград офицера – ордена Отечественной войны первой степени, «Знак Почета» (сентябрь 1943 г.), медали «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, «За оборону Сталинграда». Однако думается, не менее почетным отличием стало для заслуженного оперативного работника восстановление его, приказом Наркомата госбезопасности СССР от 25 ноября 1944 г. № 1939, в кадрах спецслужбы.

В 1944–1945 гг. временно исполнял должность заместителя начальника 4-го Управления НКГБ УССР, занимавшегося зафронтовой разведывательно-диверсионной работой (за конкретные результаты в оперативной работе в январе 1945 г. награжден орденом Красной Звезды). Главной же функцией Карина в 1944–1945 гг. стало руководство Оперативной группой НКГБ в западных областях Украины, где развернулась ожесточенная борьба с формированиями Украинской повстанческой армии и вооруженного подполья ОУН (С. Бандеры)⁶⁸.

Опергруппа выполняла функции координации антиповстанческой борьбы на период становления системы территориальных органов НКВД – НКГБ в этом регионе, а также специа-

⁶⁸ Приказом НКГБ УССР от 16 марта 1945 г. № 08 С. Карина назначили начальником Оперативной группы НКГБ УССР во Львове // ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 84. Л. 13.

лизированного подразделения в центральном аппарате ведомства госбезопасности (будущего Управления 2-Н МГБ УССР).

В характеристике от 7 мая 1945 г. нарком госбезопасности УССР генерал-лейтенант С. Савченко подчеркнул особую личную роль полковника С. Карина-Даниленко в руководстве Опергруппой, развертывании оперативной разработки украинских и польских националистов из армии Краевой. При этом он успевал выступать с лекциями перед сотрудниками НКГБ УССР, пропагандируя оперативный опыт работы по линии ОУН и УПА, а также в религиозной среде.

«Архитектор» ликвидации Брестской унии

Конъюнктурный поворот И. Сталина в сторону улучшения отношения к православию (о нем подробнее пойдет речь ниже) объективно вызывал дальнейшее охлаждение отношения к католицизму, никогда не скрывавшего своего враждебного отношения к восточнославянским «схизматикам». Именно полковник Карин выступил непосредственным организатором «самоликвидации» Украинской греко-католической церкви. Как отмечал его начальник, шеф 2-го (контрразведывательного) Управления НКГБ УССР П. Медведев, «в 1945–1946 гг. органами НКГБ – МГБ УССР была проведена серьезная работа по ликвидации греко-католической церкви, ...являющейся резидентурой Ватикана». При этом С. Карин-Даниленко «разрабатывал планы агентурно-оперативных мероприятий по ликвидации униатской церкви», лично работал с агентурой вплоть до «проведения собора, организационно оформившего разрыв с Ватиканом...»

В результате в марте 1945 г. полковник госбезопасности Георгий Карпов, председатель Совета по делам Русской православной церкви (РПЦ) при Совете народных комиссаров СССР, составил проект инструкции о линии Советского государства по отношению к УГКЦ. Предусматривалось создать среди клира УГКЦ Инициативную группу по организации перехода в православие, разрыву с Ватиканом и созданию в Галичине православных епархий. В ход пошли возможности спецслужб.

Отметим, что ярким приверженцем жестких мер по отношению к иерархам греко-католиков выступал будущий «архитектор оттепели» Никита Хрущев, руководитель республиканской парторганизации. 8 марта 1945 г. именно он дал указания к применению репрессий против епископата УГКЦ, которых надлежало арестовать и осудить за «пособничество немцам». «По указанию тов. Хрущева, – докладывал С. Савченко своему шефу В. Меркулову, – началом проведения этих мероприятий должны явиться репрессии в отношении видных руководителей униатской церкви». 12 марта В. Меркулов радиogramмой С. Савченко распорядился арестовать епископат УГКЦ как «немецких агентов и активных пособников оккупантов» (задержав их так, чтобы не испугать клириков-униатов), следствие вести в Киеве. Предписывалось арестовать антисоветски настроенных семинаристов и преподавателей, остальных учащихся призвать в армию под контроль СМЕРШ⁶⁹.

11 апреля Иосифа Слепого и еще четырех епископов-униатов задержали, подвергли обыскам – операцию в кафедральном соборе святого Юра во Львове проводили свыше 60 оперработников и 120 бойцов Внутренних войск НКВД под руководством начальника 4-го отдела 2-го Управления НКГБ подполковника Волошина (он же – личный «куратор» руководителя «инициативной группы» по «самороспуску» УГКЦ протопресвитера Гавриила Костельника). Отметим, что убитый в 1948 г. боевиком ОУН Г. Костельник агентом НКГБ – МГБ не был, а Волошин неоднократно доносил об антисоветских высказываниях отца Гавриила, стремившегося, по мнению оперработника, путем компромиссов и маневров уберечь от репрессий клир

⁶⁹ ОГА СБУ. Ф. 65. Д. 9113. Т. 20. Л. 72–74.

УГКЦ. После реализации дела «Ходячие» НКГБ завел новые разработки униатского духовенства – «Ватиканцы», «Возрожденцы», «Монаховцы».

13 апреля 1945 г. как некое обоснование репрессивных акций С. Савченко подписал «Докладную записку об антисоветской деятельности греко-католической униатской церкви в западных областях Украины», где содержался своеобразный реестр «исторических провинностей» верхушки униатов. Сама греко-католическая конфессия, писал нарком госбезопасности, возникла как «церковно-политическое формирование иезуитской клики, с помощью которого верхушка духовенства и правительственных кругов Польши пыталась поработить Украину, а Ватикан – распространить свое влияние на Восток». Униаты – это инструмент организации пронемецкого украинского сепаратизма, антироссийского движения в Украине и Белоруссии. В документе, со ссылкой на внедеренного в декабре 1940 г. в Краевой провод ОУН (Б) агента 1-го Управления НКГБ УССР «У-13», говорилось о существовании связи между Проводом ОУН (Б) и резиденцией А. Шептицкого через священника Ковальского. Епископ Н. Будка через агента НКГБ СССР хотел установить контакты с представительством ОУН в Риме, а верхушка УГКЦ поставляла собранные через клир «шпионские данные» в Ватикан⁷⁰.

Аресты рядового униатского духовенства начались весной-летом 1945 г., к осени арестовали 107 клириков УГКЦ (из 1270, служивших в трех епархиях Галичины). Всего же различным репрессиям подвергли свыше 300 служителей УГКЦ – прежде всего за нежелание примкнуть к процессу «самороспуска» униатской конфессии (в каноническом отношении унию отменил Полоцкий церковный собор 1839 г.). Хватало и агентурной работы – по делу «Ходячие» работало до 30 агентов и информаторов, то есть свыше половины всех конфиденентов НКГБ по линии УГКЦ («Жук», «Литератор», «Художник», «Вишняков», «Григорьев», «Пробой», «Юрский» – будущий православный архиерей). 997 священников (и по искреннему стремлению, и в силу конформизма или запуганности) примкнули к движению за воссоединение с РПЦ.

Судя по документам, именно С.Т. Карин-Даниленко выступал основным «концептуалистом» и непосредственным организатором масштабных оперативных мероприятий по роспуску («самоликвидации») Украинской греко-католической церкви (УГКЦ) в 1945–1946 гг. Емкую характеристику его личного вклада в «операцию» по ликвидации УГКЦ дал непосредственный руководитель, начальник 2-го Управления МГБ УССР полковник Павел Медведев. «В 1945–1946 гг. органами НКГБ – МГБ УССР, – писал осуществлявший общее руководство “операцией” по УГКЦ Медведев, – была проведена серьезная работа по ликвидации греко-католической церкви в западных областях УССР, ...являющаяся резидентурой Ватикана. Тов. Карин, как имеющий большой практический опыт в этой работе, проявил себя как знающий эту линию чекистской работы, замечательный организатор, быстро ориентирующийся в обстановке». Совместно с другими руководящими работниками НКГБ – МГБ УССР Карин принимал непосредственное участие во всех основных действиях «от разработки планов агентурно-оперативных мероприятий по ликвидации униатской церкви до личной работы с агентурой по униатам за весь период этой операции, вплоть до проведения собора бывшей греко-католической униатской церкви, организационно оформившего разрыв с Ватиканом и воссоединение с Русской православной церковью в СССР».

Он же санкционировал задержание епископата УГКЦ во главе с митрополитом Иосифом Слепым, на который еще в 1939 г. завели (и в феврале 1945 г. ренимировали) оперативное дело «Ходячие», – всего по делу проходило до 50 епископов и клириков УГКЦ. Много лет спустя, уже на пенсии, отставной полковник издал две книги по истории Греко-католической церкви.

Следует отметить, что, по сравнению с иными своими коллегами, отдававшими предпочтение жесткому стилю оперативной работы и высокомерному отношению к «западенцам»,

⁷⁰ ОГА СБУ. Ф. 65. Д. 9113. Т. 21. Л. 1–10.

Сергей Тарасович старался практиковать гуманное отношение к людям. В конце 1950-х гг. он вспоминал о результатах «нестандартного» стиля общения с жителями цивилизационно специфического западно-украинского региона: «Столкнувшись с реальной обстановкой, прежде всего с нищетой и голодом, распространенными венерическими болезнями и туберкулезом, сплошной неграмотностью и неуверенностью почти восьмимиллионного населения западных областей Украины, я понял, что обязан сделать все возможное, чтобы помочь этому обездоленному народу. Я лично посетил сотни сельских дворов и городских квартир и имел с жителями продолжительные разговоры... По мере возможности всегда старался оказать этим людям помощь в решении разнообразных проблем, волновавших их. Сотрудников опергрупп я постоянно убеждал, что успех достижим только через доброжелательность, правдивость и открытость... Вскоре о нас стали распространяться доброжелательные слухи и даже легенды. Люди потянулись к нам, искали с нами встречи, часто обращались с различными просьбами. Именно это и привело нас к заветной цели»⁷¹.

Чекист-миротворец

Особой страницей в служебной биографии контрразведчика стало личное участие в «агентурной комбинации» по налаживанию переговоров о прекращении противоборства с лидерами ОУН и УПА (в историю спецслужб Украины эти мероприятия вошли под названием «Перелом» и «Щось»). Вовсе не случайно опытный контрразведчик выступил и «контактером» в попытках переговоров между ОУН и советской стороной. Выступить посредником в миротворческих контактах с подпольем С. Карину предложил в октябре 1944 г. глава НКГБ УССР генерал-лейтенант С. Савченко (он ценил контрразведчика как своего, по сути дела, ведущего советника по делам движения ОУН и УПА).

Кровавые последствия конфликта на западе Украины были очевидны для обеих сторон. Уже в ноябре 1944 г. представитель подполья, художница Ярослава Музыка через замначальника Львовского облздора Юлиана Кордюка (сотрудничал с советской спецслужбой, а его брат являлся авторитетным участником националистического движения) передала «Советам» предложения Романа Шухевича о мирных переговорах. Глава парторганизации УССР Никита Хрущев санкционировал операцию «Перелом». В ней Даниленко «сыграл роль» представителя правительства УССР на переговорах. «Представитель правительства УССР» 13 февраля 1945 г. встретился на квартире Ярославы Музыки с эмиссаром командующего УПА Богданой Свитлык. От имени «Центра ОУН» последняя вручила письмо с условиями переговоров. Подпольщики предлагали направить к ним с парламентерской миссией представителя официальных структур либо авторитетного деятеля науки или культуры. Сигналом готовности к встрече должен был послужить начерченный мелом круг на фонарном столбе у дома № 5 по улице Коперника во Львове.

1 марта 1945 г. на 130-м километре шоссе Львов – Тернополь машину Даниленко и Головка (капитана Хорошуна из Львовского УНКГБ, будущего генерал-майора) остановили условным сигналом фонаря. В 12 км от дороги, на хуторе Конюхи Козовского района Тернопольщины, советских представителей ждали начальник Военного штаба УПА Дмитрий Маевский и политреферент Яков Бусел, прибывшие под охраной вооруженного «отдела особого назначения». Пять часов длились напряженные консультации. Представители ОУН, в частности, настаивали на реализации закрепленного в Конституции СССР права Украины как союзной республики на выход из Советской федерации. Однако последнее слово было за руковод-

⁷¹ *Зарічний В.* Лишиться чесним до кінця. Невідомі сторінки однієї чекістської біографії // Робітничка газета. 1989. 1 вересня; стаття написана под псевдонимом покойным генерал-майором КГБ В. Шевчуком.

ством СССР – оно-то и не проявило доброй воли, и хотя попытки переговоров возобновлялись, по крайней мере до апреля 1948 г., кровопролитие не прекращалось еще долгих 10 лет...⁷²

Вернувшись из напряженной оперативной командировки по мятежной Западной Украине, полковник Карин получил назначение на должность заместителя начальника 2-го (контрразведывательного) Управления НКГБ – МГБ Украины – начальника 3-го отдела этого Управления. Как отмечалось в служебной характеристике от декабря 1946 г., к его обязанностям относились весьма тонкие, требующие немалого оперативного опыта и интеллекта служебные задачи: контрразведывательная работа по разоблачению агентуры спецслужб Германии и ее союзников, иностранных разведок, разработка интеллигенции и студенческой молодежи. При этом полковник «лично вел вербовку ценной агентуры».

Склонность к сложным оперативным комбинациям сыграла с самим полковником злую шутку, пустив под откос успешную карьеру руководителя-контрразведчика. 18 мая 1946 г. в лесу в заброшенном бункере подполья возле села Волощизна Подгаецкого района Тернопольской области оперативно-войсковая группа МГБ УССР обнаружила часть архива «Смока» – бывшего референта СБ и руководителя Краевого провода ОУН на Вольни Богдана Козака (убитого 8 февраля 1949 г. при попытке задержания в с. Петушки Ровенской обл.). Среди бумаг обнаружили письмо от имени «Провода ОУН на восточных украинских землях», адресованное «живому классику» украинской советской литературы Максиму Рильскому.

В послании резко критиковались великодержавная внешняя политика СССР, «коммунизация» Восточной Европы, действия советской власти на Украине, приведшие к голодомору, эксплуатации рабочих, насильственной русификации. Крепко досталось и «оплаченным трубадурам-поэтам» из Союза писателей УССР и лично Максиму Тадеевичу: «Вы настоящий образец украинской продажности. Кто, как не вы, получили орден Трудового Знамени, звание лауреата, академика, народного поэта. В день празднования вашего пятидесятилетия получили орден Ленина. Стали членом КП(б)У, имеете прекрасную квартиру в доме писателей, получили 25 тыс. на ее ремонт. Ездите в Гагры, когда захотите... Жизнь каждого украинца мы бережем, а поэтому предостерегаем и даем возможность избавиться от собственных грехов. Возможно, потом будет поздно. Это письмо не показывайте никому. Поступите честно – сожгите его вместе с вашей предательской работой».

Как выяснилось позже, письмо было сфабриковано в Наркомате госбезопасности УССР как одно из звеньев сложного оперативного мероприятия. В начале 1945 г. С. Карин-Даниленко выдвинул идею создания легендированного «Провода ОУН на Восточнoукраинских землях» в составе Белоцерковского, Конотопского, Днепропетровского, Криворожского, Николаевского «окружных проводов». Одной из главных задач лжепровода рассматривалось завязывание контактов с подпольем на Западной Украине, продвижение в его руководство собственной агентуры для дальнейшего разложения антисоветского движения сопротивления изнутри.

«Провод» должен был возглавить негласный помощник органов госбезопасности с 1924 г. Михаил Захаржевский («Таран», 1889–1945), бывший член Центральной рады. Под псевдонимом «Свой» разрабатывал украинскую интеллигенцию, был оставлен на оккупированной территории с заданиями от НКВД и стал активным функционером («проводником») подполья под псевдонимами «Донец» и «Таран». 19 января 1944 г. «Таран» восстановил связь с С. Кариним-Даниленко и был сразу же вовлечен в новое оперативное мероприятие. В Киеве и населенных пунктах Киевщины начали создавать провокационные «подпольные организации ОУН», куда вовлекли десятки не подозревавших подвоха национально сознательных граждан.

«Заместителя проводника “Тарана” изображала секретный сотрудник с 1927 г. “Евгения”» (Екатерина Миньковская, пользовавшаяся доверием и авторитетом среди национально

⁷² См. подробнее: Кривавий «Перелом» // Веденеев Д., Шевченко С. Українські Соловки... С. 184–185.

сознательной украинской интеллигенции, чьи «крамольные» мысли «Евгения» долгие годы излагала в агентурных сообщениях в ГПУ – НКВД – НКГБ). Последняя за участие в успешной разработке НКГБ «Карпаты» на Киевский провод ОУН (арестовали 75 его участников) в 1944 г. удостоилась ордена Красной Звезды. На случай успешного развития игры с ОУН готовился и агент ЧК – ГПУ – НКВД с 1920 г. Т., призванный имитировать «проводника ОУН в Киеве».

Весной 1945 г. на Западную Украину отправились посланцы «Провода Восточных земель» – «Евгения» и «Ирина», сотрудничавшая с НКГБ с октября 1944 г. руководитель женской сети Луцкого провода ОУН и связная СБ Антонина (Нина) Калуженко. В группу вошла и изображавшая «связную» между «Тараном» и подпольем на Западной Украине 22-летняя Людмила Фоя, член ОУН с 1943 г., завербованная НКГБ под псевдонимом «Апрельская».

Катастрофический провал

Людмила Фоя (посмертное фото)

Как свидетельствует изученное нами впервые личное дело «Апрельской»⁷³, Людмила Фоя родилась 3 сентября 1923 г. в с. Топоры Ружинского района Житомирской области. Ее отец, Адам Яковлевич, в Первую мировую войну закончил офицерские курсы, воевал, получил контузию и демобилизовался в 1916 г. Во время Украинской революции 1917–1920 гг. служил сотником в армии Украинской Народной Республики, в 1937–1938 гг. арестовывался. Своими национал-патриотическими взглядами оказал существенное влияние на дочерей Людмилу и Галину (связную подполья ОУН в Киеве, арестованную гестапо летом 1942 г.).

Приход немцев Людмила встретила выпускницей школы и вступила в возобновивший работу Киевский медицинский институт (в вузы столицы во время оккупации начали массово прибывать молодые люди из Западной Украины, среди которых было немало членов ОУН или ее «симпатиков»). Уже в августе 1941 г. познакомилась с членом ОУН «Яремой», давшей ей националистическую литературу (как отмечали на допросах знавшие Л. Фою по подполью, она «много работала над изучением украинского национализма»). Вскоре происходит перелом в мировоззрении, Людмила сжигает комсомольский билет.

Л. Фою познакомили с руководителем подполья ОУН(Б) на «Срединных украинских землях» Дмитрием Мироном («Орликом», смертельно раненным сотрудниками гестапо при попытке задержания возле Оперного театра в Киеве 24 июля 1942 г.)⁷⁴. Сошлась она во взглядах и с опытной подпольщицей Надеждой Романив – «Верой», будущей супругой руководи-

⁷³ ОГА СБУ. Ф. 60. Д. 11946.

⁷⁴ О деятельности и гибели «Орлика» см. подробнее: Так загинув провідник «Орлик» // *Веденеев Д.В., Шевченко С.В.* Розвіяні міфи: історичні нариси і статті. К.: Фенікс, 2010. С. 477–482.

теля Краевого провода подполья ОУН в Галиции Сидора («Шелеста»). Супруги погибли в бою с оперативно-войсковой группой 14 января 1949 г. на Станиславщине, а написанные «Верой» воспоминания о киевском подполье «В Златоглавом» оказались приобщенными к делу по розыску упомянутого Б. Козака⁷⁵.

Националистка-неофит становится содержанием конспиративной квартиры по ул. Обсерваторной, куда к «Орлику» прибывали посланцы подполья Западной Украины. Среди «постояльцев» оказался и уроженец Станиславщины Богдан Козак, сыгравший впоследствии фатальную роль в судьбе оперативной игры НКГБ и самой Фои. Выезжала она с заданиями и на Волынь. Воспитывал подпольщицу националист Валентин Бойко (приехавший из Ровно студент сельхозинститута), призывавший «мстить немцам за сестру», сгинувшую в гестапо. В феврале 1943 г. Людмила вступила в ОУН.

После возвращения советской власти Л. Фоя перешла на подготовительный курс Института киноинженеров. Отец (бухгалтер областного совета ОСОВИАХИМА), знавший о ее связях с подпольем, призывал дочь «порвать с настоящими друзьями», выехать к родственникам в Рязанскую область. Борьба ОУН сейчас обречена, наставлял он дочь, нельзя полагаться на «дураков, с перочинным ножом идущих против танков». Видимо, по показаниям арестованных подпольщиков Л. Фою в январе 1944 г. арестовали. Допросы вел старший оперуполномоченный 6-го отдела 2-го (контрразведывательного) отдела НКГБ УССР ст. лейтенант Орлов. Сидела девушка в камере № 70 внутренней тюрьмы НКГБ по ул. Короленко (ныне Владимирской), 33. Соседкой убежденной националистки оказалась, по иронии судьбы, монахиня, арестованная, по словам Фои, за «единую и неделимую Россию» (Скорее всего, по делам НКГБ на «церковно-монархическое подполье» «Скит» или «Остров». – *Прим. авт.*

⁷⁵ ОГА СБУ. Ф. 11. Д. 8978.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.